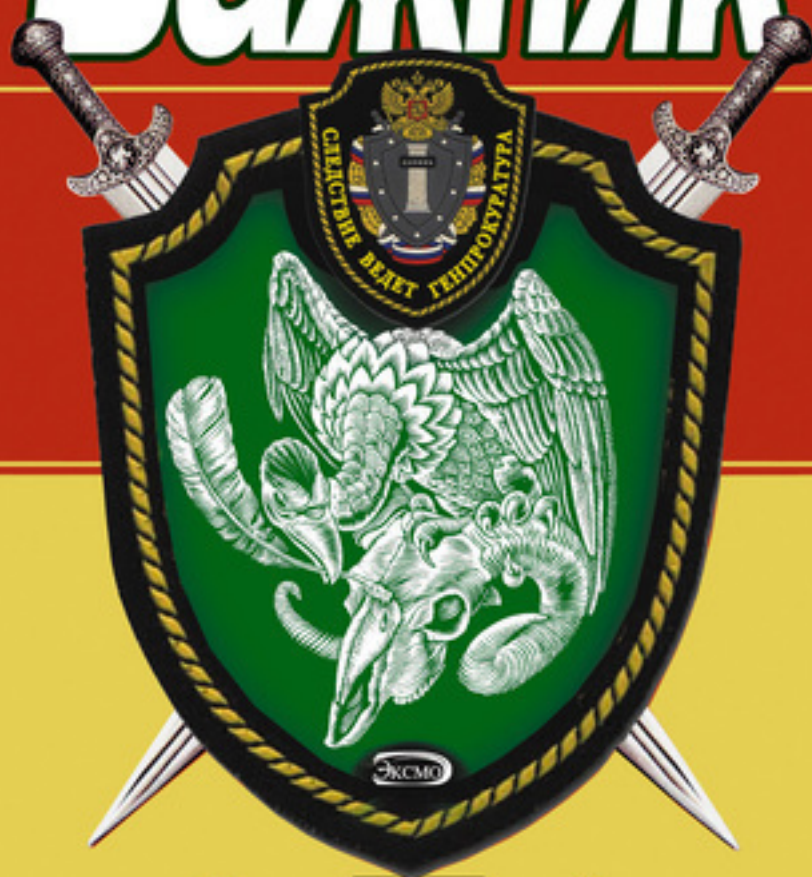

Вячеслав Денисов

Важняк

Главный
Фигурант

Важняк

Вячеслав Денисов
Главный фигурант

«ЭКСМО»

2005

Денисов В. Ю.

Главный фигурант / В. Ю. Денисов — «Эксмо»,
2005 — (Важняк)

Девушке было всего шестнадцать, и она собиралась жить долго. Но какой-то озверелый маньяк убил ее, перед этим изнасиловав. И еще пять юных москвичек остались лежать в лесопарках на окраине столицы. Усилиями милиции маньяка поймали, и он признался во всем. Но когда это дело передали в руки следователю по особо важным делам Генпрокуратуры Ивану Кряжину, стало понятно, что доказательств вины подозреваемого явно не хватает. Значит, возможно, что маньяк – совсем другой человек. Так кто же он, главный фигурант по этому делу?

Содержание

Глава первая	12
Глава вторая	16
Глава третья	28
Глава четвертая	32
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вячеслав Денисов

Главный фигурант

Автор заверяет, что герои, персонажи и события в романе – продукт его фантазии. Совпадения с реальными лицами случайны.

Газета «Главная Новость»,
9 января 2004 года,
рубрика «Свидетель преступления»

МОЛЧАНИЕ ВЛАСТЕЙ

Уже ни у кого не осталось сомнений в том, что в Москве объявился маньяк. Откуда он пришел и сколько еще ему нужно смертей, чтобы насытиться их лицезрением, неизвестно... Проследим хронологию его кровавых походов по территории одного из самых красивых городов планеты.

15 июля 2003 года он заявил о себе впервые. Тогда в Измайловском лесопарке была обнаружена шестнадцатилетняя Ж. Следствие подтвердило факт того, что перед тем, как убийца нанес девушке два ножевых ранения, оба из которых можно считать смертельными, он ее изнасиловал.

20 сентября 2003 года зверь обнаружил свое присутствие во второй раз. Тогда в парке Царицыно было найдено тело семнадцатилетней С., и следователь прокуратуры ЮАО, увидев знакомый почерк, передал дело своему коллеге, расследующему первое убийство.

7 октября, через восемнадцать дней после предыдущего убийства, в лесопосадках Тропарева сторож строительного участка наткнулся на тело С.В. Ей тоже было семнадцать, над ней тоже надругались, и она также была убита двумя ударами ножа. Дело оказалось у того же следователя ВАО.

В четвертый раз трагедия произошла снова в Измайловском лесопарке. Вчера утром женщина, прогуливающаяся по утреннему лесу с болонкой, увидела темнеющее на фоне серого утреннего снега пятно. Она приблизилась и увидела мертвое тело Ф. Теперь следователь имеет у себя в производстве четыре дела по факту убийств с одинаковым почерком.

Сколько еще должно случиться смертей, чтобы зверь был найден и предстал перед лицом правосудия? Поверьте, ваш автор не склонен к оголтелой оппозиционности любым государственным действиям или бездействиям. Но не тот ли это случай, когда власти следует признать: она бессильна! Так сколько еще должно случиться смертей?

Между тем «ГН» еще в октябре 2003 года заявляла, что в столице действует маньяк и правоохранительным чиновникам нужно приложить максимум усилий для того, чтобы снова не пролилась кровь. В ответ – молчание...

Ведущий рубрики Степан Шустин

Газета «Главная Новость»,
29 января 2004 года

ПРИЗРАК ТЬМЫ, ИЛИ КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО

Мы вошли в стадию самоуничтожения. Это очевидно. До исчезновения самой сильной и свободной нации остались считанные годы. Россия избрана международным терроризмом в качестве плацдарма для безопасной демонстрации своих возможностей, он поражает когда-то могучий организм извне, а вошедшая в стадию криза опухоль точит его изнутри. До воссоединения болезней осталось ровно столько, сколько организм сможет противостоять этим, неумолимодвигающимся навстречу друг другу, процессам.

Судебная реформа в стране завершена – докладывает в Кремле самый главный из судей. И завершена, докладывает, успешно.

Мы вышли на новый уровень раскрываемости преступлений – сообщает самый главный милиционер на том же заседании.

Борьба с должностными преступлениями ведется самым беспощадным образом – уверяет председатель вновь образованного Совета по борьбе с коррупцией. Вдвое увеличен ВВП. Возросли пенсии и заработная плата. Внешние долги выплачиваются в срок, и даже в большем размере, чем планировалось. Инфляция падает, доходы растут, и бедных действительно становится меньше... потому что самые слабые из них постепенно вымирают.

Но оставим экономику экономистам, прекрасно понимающим, что с такими темпами развития ту же Норвегию страна сможет догнать только через 200 лет. Обратимся к болезни, уничтожающей нас изнутри. И дело даже не в беспечном существовании в Москве ненасытного людоеда, убивающего с регулярностью отливов и приливов девушек, почти детей. Речь об органах, докладывающих об усилении (чтобы не сказать – мощи) своих позиций, – тех, кто призван этого людоеда искать. Пока международный терроризм, боевики которого в подавляющем большинстве своем не умеют ни читать, ни писать и состоят из отбросов общества Иордании, Сирии, Саудовской Аравии, невероятным образом материализовался в России, насилует и уничтожает наших детей сотнями, в одном из самых крупных городов мира, в нашей столице, гуляет на свободе такой же отморозенный, только наш, доморощенный. Много ему не надо, он режет по одной девочке в месяц. Морально, физически и технически усовершенствованные милиция, прокуратура и суд (о чем в Кремле было доложено с гордостью) пока не в состоянии даже назвать имя того, кто завтра, быть может, прирежет чью-то дочь из этих, самоусовершенствованных.

А сегодня Москва прощается с пятой по счету девочкой, чья жизнь зависела не от их профессионализма, а только от капризов маньяка. Будем ждать. Быть может, зверь умрет сам. Если прикинуть на глаз, что ему лет сорок, то ждать нам осталось недолго: лет тридцать. В конце концов, он тоже человек. Ему свойственно грипповать, страдать от язвы желудка и коронарной недостаточности. Огорчает применительно к данному случаю только то, что политологами в Кремль доложено об увеличении средней продолжительности жизни в России на полгода. А пока, уважаемые москвичи, не выпускайте детей шестнадцати-семнадцати лет на улицу без присмотра. Дождитесь их совершеннолетия, а еще лучше – их полной зрелости. Таких зверь не преследует.

Откуда он пришел, как выглядит и сколько еще трупов будет обнаружено гуляющими поутру дамами с собачками – покрыто тьмой.

Ведущий полосы Степан Шустин

Через двадцать восемь дней после последнего из описанных событий...

...Олюнин смотрел на него долго, словно усмехаясь, потом решил все-таки снизойти до ответа. Причем ответ этот был дан в такой форме, которая никогда не избирается умными людьми в беседе со следователями-профессионалами.

– А зачем мне это нужно знать? Уж не хотите ли вы и этих двух девчонок с чуркой на меня повесить?

– Я разве говорил, что Айрапетян – «чурка»?

– А что, институт для этого закончить нужно? – огрызнулся Олюнин, который уже начал догадываться, что самое страшное только начинается.

Кряжин молча вынул из папки три чистых листа бумаги.

– Этот – для объяснений по факту нападения на девушку двадцать четвертого декабря в Северо-Западном округе. Этот – по факту убийства девушки за Музеем Вооруженных сил двадцать пятого. Этот – по факту убийства Айрапетяна на Парусном проспекте. Можешь приступить.

Олюнин посмотрел на листы, набрал в рот слюны, перегнулся через стол и плюнул на них, стараясь попасть на все одновременно. У него получилось.

Пожевав губами, советник вынул из кармана платок и столкнул листы на пол.

– Потом поднимешь. И сопли свои с них сотрешь.

– Мусора сотрут, – лицо Олюнина горело огнем, он был похож на невменяемого.

– Посмотрим, – глубокомысленно изрек Кряжин. – А пока информация для размышлений. Ты знаешь, кто такой Айрапетян?

Шустин, который с каждым часом молчал все больше и уходил в себя все чаще, посмотрел на капитана: а он знает? Шустин вот, к примеру, нет. На лице Сидельникова таилось спокойствие, которого не было все эти дни. Репортера это настораживало. Быть может, именно это и было причиной того, что он замыкался в себе.

– Знать не хочу, – проскрипел Олюнин. Ему очень хотелось курить, но теперь покурить ему не дадут.

– Тогда я расскажу. Тимур Айрапетян, или просто Тима, – вор в законе старых кровей. Не мне объяснять тебе, что это значит. Но я объясню для присутствующих. Айрапетян строго чтит, теперь уже – чтит, воровские понятия. Не связывал себя узами брака, не имел детей. Не служил в армии и не состоял ни в пионерах, ни в комсомольцах. Ни дня нигде не работал и никогда в жизни не заполнял налоговые декларации. Садился тогда, когда того требовали интересы дела, а не по пьяни и отороженности, и все статьи в его послужном списке – исключительно 144 и 158¹. Тима был «вором» настоящим, он не купил «корону» за бабки, а это значит, что он имеет, теперь уже – имел, невероятный авторитет в преступном мире России...

У Федула дрогнула рука, и Шустин, обратив на это внимание, машинально посмотрел на лицо убийцы. Посмотрел – и не поверил своим глазам. Сквозь загубевшую на ветру кожу проступала мертвенная бледность, хотя еще мгновение назад на щеках Олюнина пылал пожар.

– Так вот, это значит, – рассматривая Федула, молвил советник, – что теперь твоя жизнь раскололась на две половины. До того момента, когда я объявлю всему блатному миру столицы имя убийцы Айрапетяна, и после этого. Они бы нашли убийцу сами, не полагаясь на органы.

---

¹ Статья 144 УК РФ (старая редакция) и ст. 158 УК РФ (действующая редакция) – «Кража».

Так они всегда и делают. Но имя мое, Олюнин, – гарантия качества. Брэнд. Зачем искать сейчас? Когда Кряжин скажет: убийца Айрапетяна – не Олюнин, тогда и нужно ударяться в поиски.

Шустин был немало удивлен, когда увидел Олюнина, опустившегося перед Кряжиным на колени и собирающего заплывающие листья. Когда он в следующий момент появился над столешницей, на лице его не было и следа того презрения, коим светилось оно до монолога советника.

– Я все помню, гражданин следователь. У меня хорошая память, – плебейски лепетал Олюнин, вытирая рукавом листья. – Я и о лесопарке расскажу, где у девочки сумочку отобрал, и о другой девочке, за музеем... Я все напишу подробно. Но Айрапетяна не возьму. Хоть режьте здесь – не возьму! – слюна вновь вылетела из его рта, но на этот раз осталась на подбородке.

Кряжин понимающе покачал головой.

– Олюнин, а как насчет шести девочек перед этим?

Взоры всех, кто находился в дежурной части, обратились к советнику.

Олюнин замер, в глазах его появилось то выражение, которое бывает в глазах антилопы, которую ухватил за горло лев.

– Шести девочек?.. – Этого никто не слышал, но все догадались по движению его губ.

– Это же вы убили их, Олюнин?

– Да...

Начало...

У каждого государственного служащего раз в году должен случаться отпуск. Когда он не случается, служащий начинает хиреть. Не может такого быть, чтобы у служащего, особенно государственного, ни разу в году не случился оплачиваемый отпуск. Это право закреплено Конституцией. Значит, существует.

Но другое дело – когда. Взять, к примеру, коллектив государственных служащих категории «А», размещенных в пятнадцатом доме с литерой (тоже «а») по улице Большая Дмитровка (для приезжих и гостей столицы – это Генеральная прокуратура). Стоит только взять в руки график отпусков, как все сразу встает на свои места.

Генеральный прокурор – июль.

Первый заместитель – август.

Начальник Следственного управления – июнь.

Начальник отдела по надзору за следствием и дознанием – июнь.

Начальник отдела Следственного управления – август.

А в конце списка: следователь по особо важным делам Вагайцев Александр Викторович – декабрь.

Справедливо ли интересоваться, почему у советника юстиции Вагайцева отпуск в декабре, а, к примеру, у Ельца, первого заместителя Генерального, – в августе? Кто-то же должен идти в декабре, коль скоро август занят?

Если так рассуждать, то стоит обратиться к реальности! Давайте и Генеральный в декабре поедет отдыхать, и Елец поедет, и начальник отдела за следствием и дознанием, и Смагин! А кто тогда, спрашивается, в период с июня по август будет надзирать, расследовать, дознавать и брать под контроль? Один Вагайцев?

Быть может, была еще причина. Вжиться в коллектив – дело нехитрое, если ты открыт душой, всегда готов прийти на помощь или просто добрый человек. Именно этих качеств у «важняка» Вагайцева если не хватало, то присутствовало ровно столько, что все равно они были незаметны. Если вы не доверяете людям, вас будут обкрадывать, если вы относитесь к ним хуже, чем к себе, вас будут презирать.

Между тем во всем должен содержаться смысл, а потому, если первый заместитель Генерального по графику идет в отпуск в августе, то Вагайцев должен увидеть море, на берега которого рвется, не ранее начала зимы.

С иронией на устах старший следователь по особо важным делам Александр Викторович Вагайцев и прибыл к старшему следователю по особо важным делам Кряжину Ивану Дмитриевичу в кабинет. Тот с начала зимы решил взять под контроль состояние своего тела, а потому на обеды не ходит, перебиваясь в служебном кабинете бутербродами с кабачковой икрой.

Вошел, поздоровался, пожелал приятного аппетита. Покосился на чайник, схватил его, как Шариков хватал со стола профессора Преображенского графин с водкой, и налил себе в чистую кружку.

В прошлом году Кряжин попросил Вагайцева съездить вместо него в пустячную командировку – сам он планировал навестить родителей, – и советник Вагайцев ему в этом отказал, сославшись на чрезмерную занятость. И даже показывал на стол, на котором грозила, упав на пол, завалить полкабинета стопка дел, вынутых из сейфа. Нет так нет. Никто от отказа еще не умирал, если только это не отказ в просьбе о помиловании.

О том, что в чайнике зеленый чай, ненавистный с детства, Вагайцев узнал слишком поздно. Но делать было нечего, он проглотил его и вежливо отставил кружку в сторону.

Александр Викторович начал издали. Знал, что с Кряжиным вести разведбеседы нельзя! С Кряжиным нужно сразу: так-то, Иван Дмитриевич, и так-то. Если можешь, помоги. Потом отслужу. Но Вагайцева неожиданно ударил под ребро бес, и его понесло.

– Вот сколько ни смотрю на него, Иван Дмитриевич, не перестаю поражаться. Сколько глубины в этом взгляде, воли, ума.

Кряжин перестал жевать и с недоумением уставился на Вагайцева. Проглотил, дернув головой, облизнулся, очищая зубы от хлебной клейковины, и потянулся к своей кружке.

– У меня в кабинете два портрета, советник. Один из них – Ломброзо. Может ли быть такое, что ты говоришь именно о нем?

Совершенно не соответствуя обстановке, Вагайцев вдруг вспомнил анекдот о Брежнев, за который Иван Дмитриевич едва не вылетел из восьмого класса средней школы, и рассмеялся. Вообще, чувствовалось по всему, что он делал не то, за чем пришел сюда. Смех его утих, и Александр Викторович грустно вздохнул. Собрался, сделал наконец-то паузу по Станиславскому, и выдохнул:

– Ты в курсе, Иван, что Вакшенов готовится стать отцом?

Вакшенов – прокурор по надзору за следствием и дознанием. Его жена действительно находилась на восьмом месяце беременности. Но было непонятно, при чем здесь Вагайцев. И еще больше Кряжину было непонятно, при чем здесь он, Кряжин.

– Товарищ Вагайцев, вы меня очень обяжете, если скажете наверняка, какого хрена вам от меня нужно. – Сунув в рот остатки бутерброда, больше напоминающего пайку вьетнамца, плененного в подвале московской братвой, Кряжин запил их остывшим чаем.

Деваться было некуда.

– Иван, меня в отпуск отправляют.

– Серьезно? – Кряжин посмотрел на часы, но интерес его относился не к стрелкам, а к календарю. – Сегодня восьмое. Если поторопишься, успеешь на вчерашнее Рождество в Лапландии.

Вагайцев едва сдержал гримасу раздражения. Ему было доподлинно известно, что Кряжин отдыхает последние три года непременно летом. Но раздражение было вызвано не этим, а пониманием того, что Кряжин этого заслуживает. Когда на Большую Дмитровку приходит «Большой Темняк» и начинает окутывать полумраком коридоры, когда сверху уже слышатся раскаты грома и вот-вот потолок пронзит огненная стрела, всякий раз ловко находящая крайнего, «Темняк» всовывают под мышку Кряжину и в девяти случаях из десяти в здании посте-

пенно начинают просматриваться очертания предметов. Гром становится глуше, тучи укатывают куда-то на Охотный Ряд, оттуда – за Ильинку, а там и затихает вовсе.

– Иван, я ждал этого отпуска весь год, – признался, темнея душой, следователь Вагайцев. – Обещал свозить жену и тещу на Черное море. Но Смагин наотрез отказывается мне в этом, пока я не разберусь с делом Разбоева.

– Пальмы в снегу – это нечто, – качнув головой, подтвердил Кряжин. – Ты хочешь попросить меня свозить твоих в Гагры?

Вагайцев понял, что дальше «крутить луну» бессмысленно, нужно рассказывать еще один анекдот про Брежнева и идти к Любомирову, который откажет наверняка.

– Иван, я хотел попросить тебя об одной услуге...

– Разобраться за тебя с делом Разбоева и шестью образованными им трупами, – уверенно закончил Кряжин. – Нет.

Вагайцев сник. Чуда не случилось. И он уже почти напрег ноги и уныло прогнутую спину, чтобы подняться, и стал обдумывать, как облапошить Любомирова, как вдруг мелькнул луч перспективы.

– И потом, Саша, как это возможно? – помедлив, Кряжин шелкнул зажигалкой и выбросил в кабинет облачко сизого дыма. – Ты расследовал дело, а обвинительное заключение будет готовить и предъявлять другой следователь. Как это?

Старший следователь Вагайцев сглотнул и сказал Кряжину, что это возможно вполне, если соблюсти все необходимые формальности передачи дела. И Кряжин знает об этом! – однако из-за нежелания оказать услугу товарищу по службе пытается найти в законодательстве, в котором можно найти как одно, так и другое, причину отказа.

– Там только предъявить обвинительное и направить дело в суд, – выбросил последний козырь Вагайцев.

– Вот ты говоришь: «только предъявить обвинение», – Кряжин поерзал в кресле и затаился. – А ведь, коллега, это не так-то просто на самом деле. И ты зря утверждаешь, будто это дело пяти минут. Мне нужно вникнуть в фабулу, взвесить доказательную базу, уяснить роль каждого фигуранта...

– Не нужно ничего взвешивать! – воскликнул Вагайцев. – Куда ты собирался вникать? Во все уже вникнуто! Чем, по-твоему, я занимался десять месяцев?

– Вот это и есть тот вопрос, который вызывает у меня сомнения, – сознался Кряжин. – Дело в том, что я не знаю, чем ты занимался всего десять месяцев, расследуя аж шесть убийств.

– Там только предъявить обвинительное, – вторично использовал последний козырь Вагайцев, что уже прямо свидетельствовало о его шулерских повадках. – А регистрация, разумеется, пойдет тебе. Дело, с которым я работал почти год, пойдет тебе в актив, Иван Дмитриевич. Шесть трупов по всей Москве! Не кража сыра из буфета Госдумы, Кряжин, и не отбор лицензии у очередного банка! – И выражение лица Александра Викторовича приняло тот вид, который, по мнению его хозяина, должен был поставить в этом разговоре точку. – Я теще обещал... С женой... Ну? И бутылка настоящего «Хеннеси».

– И «Вдова Клико»?

Отпускник махнул рукой: «И оно, шампанское!...»

– И ящик «Миллера»?

Вагайцев, о скупости которого на Большой Дмитровке ходили легенды, стиснул зубы. Но деваться было некуда.

– Ящик в двенадцать бутылок, – попробовал выгадать четыре сотни он.

– Никак нет, – возразил Кряжин. – В двадцать четыре. Или ступай к Любомирову.

Вагайцев с минуту думал, после чего сказал: «Ладно. Хотя знаешь... В общем – ладно. Заметано».

Поблагодарил, хотя и скомканно – Кряжин виноват, сам все испортил, – и прикрыл за собой дверь.

Советник переместил сигарету в угол рта и склонился над телефоном с громкоговорящей связью. Такие обычно устанавливаются для проведения селекторных совещаний.

– Ну, так как?

– Ушам своим не верю, – раздался из телефона голос старшего следователя Любомирова. – Ты развел Вагайцева на бабки?! Я был уверен на все сто, что он скорее не уйдет в отпуск, чем начнет тратиться на чужое спиртное.

– И я не верю, – прозвучал из того же устройства голос старшего следователя Черкалина. – Это первый случай, когда Шурика «разбавили».

– Мне вот только последняя фраза... – встрял Любомиров. – Иван, что значит – «или ступай к Любомирову»?

Советник улыбнулся, потому что видеть его собеседник не мог. Но тут же улыбку убрал, потому что собеседник его хорошо слышал.

– Я бы мог назвать Харитонову, Ульникова, Мараева. Мог и Любомирова, что и сделал. Где мой коньяк?

– Уже несу, – Любомиров помедлил. – Один «Белый аист» от всех. Как и бились. Или сам зайдешь, когда свободен будешь?

– Вот поэтому я тебя и назвал! – уже не тая улыбки, бросил советник. – Именно поэтому! Чтобы через пять минут предмет пари стоял на моем столе.

И тут же был вынужден отключить связь, потому что в дверях снова появился Вагайцев.

– Иван Дмитриевич, я вот только сейчас подумал. А откуда ты знал, что мне осталось только обвинительное заключение предъявить? Кажется, я первый об этом не говорил.

Кряжин долго мял в пепельнице окурочок. И через мгновение настроение Вагайцева было испорчено окончательно.

– Меня утром Смагин встретил, просил забрать у тебя дело. Я согласился.

А еще через мгновение он воссиял.

– Я пошутил. Купи теще на эти деньги абонемент в солярий в Гаграх.

Покрытую отпечатками пальцев шести «важняков» управления бутылку коньяка «Белый аист» советник отнесет домой, в квартиру в Большом Факельном переулке. Но пригубить и рюмки из нее ему так никогда и не удастся.

Глава первая

Как он тогда добрался до дома, Разбоев помнил плохо. Следует сказать больше – он вообще ничего не помнил. Из осколков прожитого вечера после целого дня мучительного похмелья вставали какие-то чудовищные, нереальные картины: то он сидел на какой-то лавочке. То в старой беседке Измайловского лесопарка выпивал с Гейсом, а потом Гейс изо всех сил бил его ногами в живот. Из этого следовало, что он, Разбоев, был с Гейсом сначала в мире, а потом Гейс был с ним в разладе.

Несколько последних лет жизни Разбоева не отличались разнообразием. Утром он с кем-то встречался, все больше с людьми малознакомыми, потом наступало облегчение благодаря раздобытому таки спиртному, после чего Разбоев или просыпался в ночном лесу, замерзший, голодный и без курева, или бывал бит. Последнему он никогда не возмущался, потому как привык, привыкли к этому и те, кто с ним пил. Выпивка должна обязательно закончиться оплеухами Разбоеву – так проходили все вечера.

Человек может подняться исключительно двумя путями – с помощью собственной ловкости или благодаря чужой глупости. Борис Андронович Разбоев ловкостью не отличался никогда. В противном случае он ни за что не превратился бы из младшего научного сотрудника НИИ синтеза в опустившуюся личность. Возвышаться же посредством использования чужой глупости Разбоев считал делом низким и неблагодарным.

Из всего, что Разбоев имел еще каких-то три года назад: квартира, двухуровневый гараж в районе пересечения шоссе Энтузиастов и Буденновского проспекта, автомобиль «ВАЗ» десятой модели и дача на Рублевском, – на сегодняшний день оставалась квартира.

Когда от Разбоева ушла жена, он воспринял это с великой скорбью. «Ушла жена», – сказано бледно и буднично, звучит это так же привычно, как «сходить в булочную». Было не так.

Однажды вечером младший научный сотрудник поехал в Шереметьево, чтобы убыть в Омск на коллоквиум теоретических физиков. Жена завернула ему колбасы, «Пошехонского» сыра, пару оладий и порезанный хлеб, уложила все это в портфель, попросила, чтобы он вернулся побыстрее, хотя длительность коллоквиума зависела явно не от него, и поцеловала в щеку.

За двадцать минут до начала регистрации прибыл еще один младший сотрудник НИИ синтеза, коллега Разбоева, и сказал, что у него в Омске живет дядя, он только что об этом узнал, а потому руководитель научного проекта против не будет, если вместо Разбоева полетит коллега.

Из сказанного Борис Андронович вывел две вещи: его роль в проекте вовсе не та, о которой говорил руководитель проекта, поскольку для проекта нет никакой разницы, кто будет принимать участие в коллоквиуме. Второе – та беззастенчивая наглость, с которой коллега вмешивался в научную деятельность его, Разбоева.

– Что, ты только двадцать минут назад узнал, что у тебя дядя в Омске? – с нескрываемой досадой уточнил Разбоев.

– Ты же физик, Боря. Как можно так однозначно трактовать ситуацию? Я только сейчас узнал, что будет поездка в Омск.

Разбоев, сдав билет и полномочия представителя коллеге, сел в маршрутное такси и убыл домой.

Женой он дорожил. Она досталась ему в тяжелой, неравной борьбе с соперниками, превосходящими его по всем параметрам. Маришу он полюбил с девятого класса школы, а к выпуску воспылал к ней неюношеской страстью. Им было по семнадцать, выйти замуж за ученого или лейтенанта еще было признаком хорошего вкуса, они решили пожениться. Свадьба была назначена через три года, когда Разбоев закончит четвертый курс физфака. Нечего и

говорить о том, что Мариша, повидавшая к тому времени многое и многих, испытания временем не выдержала и оказалась в руках Разбоева, уже будучи бывшей в употреблении. Боря погоревал, однако женился.

У входной двери он оказался около трех часов ночи. Вставил ключ, вошел, разулся, стараясь не разбудить Маришу, и прошел в квартиру. Под дверью спальни горел свет, и он приятно поразился тому, что жена, думая о нем и зная о последних катастрофах в воздухе, не может уснуть. С мягкой улыбкой на лице он приоткрыл дверь и, не показываясь в проеме, решил обыграть предстоящую негу:

– Я слышал, теоретический физик в командировке. Как насчет физика-практика?

Мариша была в спальне, он чувствовал это хорошо – когда говорил, слышал шуршание одеяла. Поняв, что напугал жену, пристыдился и, смущенно улыбаясь, вошел в комнату в одних трусах.

Сказать, кто напугался сильнее – волосатый, словно Челентано, мужик в постели у Мариши или Разбоев, – было трудно.

Мужик лежал на спине, Мариша сидела на нем, успев лишь набросить на этот застывший памятник архитектуры одеяло, Разбоев стоял в трех шагах от монолита и оглушительно молчал.

Первым просекло незнакомца. Прикинув на глаз, что Разбоев, даже вооружившись топором, ничего плохого сделать ему не сможет, он сдвинул с себя чужую жену, осторожно встал, покачивая мускулистыми конечностями, оделся и вышел. Через минуту где-то в глубине квартиры клацнул английский замок. В спальне остались двое. Мариша сказала:

– Боря, это не то, что ты думаешь.

Если бы Разбоев был мужчиной, он ударил бы давно. Задолго до того момента, как Челентано поднялся с постели. И не Маришу. Но Разбоев был больше теоретик, чем практик, поэтому молча вышел из спальни, оделся, нашел в шкафу старое одеяло и улегся на диване. Он ждал, что Мариша сейчас выбежит из комнаты в одном исподнем, то есть в комбидрессе, который никогда ранее не надевала на ночь для Разбоева, бросится к его ногам и будет молить о прощении.

Но она не шла. Ну что ж, как только она окажется у его ног, он заложит руки за голову и устанет в потолок. Она будет кричать о минутной слабости, о том, что он всю жизнь отдает науке, не оставляя ей даже самую малость для отдохновения ее души. «Я ученый, – скажет он ей, не меняя позы. – И принадлежу науке целиком. И ты знала, за кого выходила...»

Нет, нет, он так не скажет. В прошлый раз, когда разговор выкатился на эти рельсы, Мариша парировала не задумываясь: «Я выходила за мужика, который обещал мне Нобелевскую премию и дом в Ницце». И он действительно обещал, поэтому тогда у Мариши был шанс гордо уйти от темы, заявив, что он оскорбляет ее сплетнями, верить в которые мужчина не должен.

Он скажет: «Я выше бытовых убийств и гнусных разборок. Я ученый. А потому завтра, когда я приду с работы, я хочу видеть вторую половину шкафа пустой и одну зубную щетку в ванной». Решено. Для нее, сидящей у его ног, это будет настоящим ударом.

И Разбоев почувствовал себя так, словно схлопотал нокаут, когда услышал в спальне характерный щелчок на стене, означающий, что Мариша погасила в комнате свет. Следом чуть скрипнуло бывшее супружеское ложе. И наступила тишина.

Разбоев привстал на локтях, чтобы проверить, не ослышался ли. И вынужден был признать – ему не почудилось. Мариша легла спать.

До пяти часов утра он ворочался на диване, хрустел зубами и думал о том, как встретит наступающее утро в одной квартире с этой стервой. Как это будет выглядеть, что он будет говорить и что при этом делать, Разбоев не представлял. Перед глазами его, словно застывший кадр на экране кинотеатра, стояла холодящая кровь картина: мускулистый верзила, покры-

тый черным мехом, и точеная фигура Мариши. Воображение откручивало пленку назад, и вот он видел, как Мариша стенает от изнеможения, как рычит волосатый, как она изгибается в оргазме и как он выгибается дугой, испытывая то же самое одновременно с ней. Черт возьми! Разбоев очень редко испытывал то же самое одновременно с женой. А волосатый кричал в ту же секунду, когда кричала Маришка! Притерлись, сволочи!..

Пленка срывалась с катушек, и Разбоев уже видел, как она, склонившись, делает верзиле минет. А он скребет пальцами по его, разбоевской, простыне, кричит: «Давай, давай еще!..»

И Разбоев чувствовал, что сходит с ума.

Когда за окнами занялся рассвет, дверь в его комнату приоткрылась. Он приподнял воспаленные веки и увидел жену. Она стояла в проеме, свет из комнаты просвечивал ее ночную рубашку насквозь, и ему вдруг захотелось ее, теплую, нежную...

Она молча подошла, стянула с Разбоева одеяло и разорвала на его груди рубашку. Не ожидавший такого напора, Разбоев вдруг почувствовал, как его охватывает горячая волна. Она сдернула, склонилась и...

И он опять почувствовал, что сходит с ума. Такое было в их жизни впервые. Осмелев после первого припадка страсти, он повалил ее на пол и стал насиловать. Вспоминал верзилу и вкладывал в свои движения столько сил, сколько наверняка не вкладывал тот. Мариша извивалась, кричала, царапала ногтями палас, а он наваливался на нее всем телом, толкал ее вперед и глухо выкрикивал: «Шлюха!.. Грязная шлюха!.. Ты этого хотела?!»

Он слышал то, что говорит, но не чувствовал, что обижает ее. Напротив, она, скребя пальцами по его спине, выдыхала: «Еще... Еще...»

Когда рассвет наступил окончательно, он вышел из нее, даже не изумляясь тому, что впервые в жизни занимался сексом с женой несколько часов кряду, не останавливаясь.

– Ты сумасшедший, – едва слышно прошептала она влажными губами. – Где ты этому научился?.. А я-то раньше думала, что ты у меня секс-символ...

– Не может быть, – злорадно проскрежетал Разбоев. – Это как?

– Я думала, что секс ты только символизируешь.

Утром все выглядело вполне пристойно. Окрепший духом Разбоев, словно перерожденный, сидел на кухне, жевал бутерброд с колбасой и всем своим видом напоминал мужика, отразившего прошлой ночью нападение на его жену. Поглядывая на Маришу хозяйским взглядом, он бросил, потому что хоть что-то на эту тему бросить был обязан:

– Ты смотри, Мариша. Раз адюльтер, два адюльтер, а потом мне за убийство что, в тюрьму садиться?

– Да брось ты, Борьчик. Скажешь тоже – адюльтер. Какой он адюльтер? Так, торгаш с Черкизовского.

Вечером он снова был неузнаваем. С порога набросился на нее, раздел, уложил на пол и не любил, а насиловал.

«Кого ты принимала сегодня? – восклицал он, стараясь делать это как можно резче и сильнее. – Он был так же силен, как и я?»

Она ничего не отвечала, лишь удивлялась преобразению мужа. Она почувствовала, что Разбоев каждый раз, когда соединяется с ней, мстит. Мстит жестоко, получая удовольствие не столько от секса, сколько от унижения ее под ним. И вершин удовольствия он достигает именно тогда, когда начинает чувствовать, что на сегодня отомстил достаточно.

Бить ее? – тонкая натура этого не позволяла. Какая радость от ее разбитого лица? Ее нужно унижать. А разве есть лучший способ унижения женщины, чем...

Он представлял Маришу семнадцатилетней девушкой, отдающей первому встречному через час после того, как она сказала Разбоеву «да» – разве можно за это не мстить?

Вскоре на работе начались неприятности. Он провалил один проект, помог провалиться проект профессору, взявшему его ассистентом, и вскоре из младшего научного сотрудника

стал лаборантом. Но это Разбоева уже не волновало. Он вел «свой» проект, и все остальное казалось ему вторичным. В начале две тысячи первого года его попросили уволиться по собственной инициативе, дабы не портить трудовую книжку нежелательными записями.

Новость о том, что муж занялся коммерцией и стал работать на Черкизовском рынке, Мариша сначала восприняла с удовлетворением. Все, с кем она переспала за годы замужества, были людьми достатка и свои трудодни зарабатывали именно как хозяева торговых мест.

Через два месяца бывший физик-теоретик Разбоев, так и не сделавшись торговцем, совершил то, что обычно совершают простаки, оказавшись в сетях среднего и мелкого бизнеса. Он влез в долги. Пришлось продать новенькую «десяточку», купленную всего за месяц до включения «счетчика».

После утраты машины Мариша ясно различила перспективы будущего и задержалась в квартире Разбоева ровно настолько, сколько требуется для сбора личных вещей. Она была даже рада такому обороту.

После ухода Мариши Разбоев держался неделю и после этого запил. Через месяц, в состоянии дикого тремора души и тела, Мариша его подловила и повела в суд для развода и раздела имущества. Так у Разбоева осталась одна квартира, и он уже давно бы продал ее и пропил, если бы она не принадлежала в долях и его сестре. Понимая, что брату Боре жить осталось совсем недолго, сестра наотрез отказалась давать согласие на продажу квартиры, а судиться с ней у Разбоева не было ни сил, ни времени. Утро он начинал в тяжелом состоянии, вспоминал Маришу, жаждал секса, снова представлял ее с волосатым, хотя в суде она появилась с каким-то блондином, и всякий раз пытался опохмелиться в последний раз, чтобы на следующий день начать приводить себя в порядок, возвращаться к нормальной жизни и... И к сексу, жизнь без которого, почувствовав его по-настоящему, Разбоев уже не представлял. Другое дело, что было не с кем. Один раз попытавшись с какой-то случайной дамой, образ которой наутро вспомнить не мог, сколько ни силился, он почувствовал разочарование. Нечто среднее между теми ощущениями, что были до измены Мариши, и полным отсутствием ощущений.

И он понял, что помимо организации счастливой жизни, так легко упущенной, помимо достатка ему нужна еще и Мариша. Обязательно Мариша, либо... Либо кто-то, кто походил бы на нее.

Глава вторая

Уголовное дело, состоящее из пятнадцати томов, переместилось на стол Кряжина. Вагайцев, прощаясь до января, горячо поблагодарил его за дружескую поддержку. Горячность эта была вызвана в первую очередь тем, конечно, что Кряжин сэкономил коллеге несколько тысяч рублей, которые тому тратить не хотелось. Даже в качестве благодарности за эту помощь. Вряд ли Кряжин принял бы это очень сложное дело, не подойди к нему Смагин и не попроси:

– Иван, нужно толковое обвинительное заключение. Это дело не может развалиться в суде. Точнее, не должно. Вернее – мы обязаны сделать все, чтобы оно не развалилось. Москва шумит, но ждет не героя, а убийцу.

Вагайцев был следователем грамотным и не относился к той породе «важняков», которые считают дело завершенным, когда из-под пера арестанта начинает выползать фраза: «Явка с повинной». В случае с делом Разбоева у него имелась хорошая доказательная база, представленная МУРом, готовность подозреваемого идти на контакт и подлежащие однозначному восприятию результаты экспертиз.

Таких людей, как Разбоев, живущий на самом дне темного водоема и без работы, просто так дяди-миллионеры в бабочках под накрахмаленными воротниками и с золотыми очками не защищают. Дело с шестью трупами, нашпигованное сексуальными подробностями, – как раз тот лакомый кусок, на котором мэтры от адвокатуры делают себе имя. За такие дела, то бишь за право защищать бездомного серийного убийцу, правозащитники дерутся. Наверное, среди них даже установлена очередь, как на право покупки холодильников в начале девяностых.

Шесть трупов по Москве, обнаруженные в течение первых пяти месяцев две тысячи третьего года и полутора месяцев две тысячи четвертого. Убийца, задержанный за день до того, как страна праздновала восемьдесят шестую годовщину... или как теперь называют? – День защитника отечества. Журналистская братия, раздувшая скандал так, что звезды на Спасской стали еще более рубиновыми. А еще многочисленная, сплоченная толпа родственников убиенных, желающих попасть в суд и увидеть, как состав суда будет резать Разбоева на ремни и раздавать те ремни каждому из участников процесса на память. Вот краткий список причин, почему дело завершать должен был не Вагайцев, которому дело было лишь до ремней на чемоданах, а Кряжин. Между куском и ртом произойти может многое. Не сказать, что у Ивана Дмитриевича, советника юстиции, в тот момент не было работы. Просто он был единственным в управлении, кто мог быстро разобрать пятнадцать томов, познать истину и выбить почву из-под ног у защиты.

Дело оставалось за малым – собрать воедино все доказательные звенья и сковать из них прочную цепь, сорваться с которой убийца не сможет даже при помощи Центра судебной медицины имени Сербского. Борис Андронович Разбоев признан виновным. Значит, подсуден. Осталось это лишь доказать на нескольких десятках листов, перевернув несколько тысяч уже исписанных.

И он перевернул первый.

Уголовное дело по факту убийства девушки (Кряжин не стал вчитываться в имя) 15 июля 2003 года.

Тогда еще не установленный убийца, пишет следователь районной прокуратуры Восточного, в Измайловском лесопарке изнасиловал, а после убил.

Никаких вырезанных звезд на теле, ножевых ранений всего два. Просто надругался и убил. Просто... Скажи это слово родителям этой шестнадцатилетней девушки – пожалуй, глотку перервут. Это для следователя такой вариант – простой. Родители, они не знают, что иногда таким девчушкам, как их дочь, груди отрезают, расчлениют тела, словом... Кряжин расследовал одно такое дело среди множества своих прочих.

Но вот тогда Кряжину стало по-настоящему страшно. Идиот прокурор – не хочется называть округ, который он возглавляет, – прислал на эту «расчлененку» девчонку лет двадцати пяти – следователь, однако. После вуза – сразу в прокуратуру. Романтики захотелось. Ее рвало так, что Кряжин вызвал «Скорую». Заодно и двум участковым тамошнего РОВД, которые уже не в силах были отгонять полчища навозных мух. Собирать потерпевшую никто не хотел, поэтому собирал Кряжин. Закинул в рот две таблетки валидола – больше для запаха, надел перчатки и собирал. По всей четырехкомнатной квартире. Глотал слюну, грыз валидол, и с каждым новым фрагментом, подбираемым с пола, успокаивал девчонку-следователя. Прикрикивал на участковых и впопыхах материл окружного прокурора. А потом, через пять часов, запершись в кабинете, пил стаканами водку и не отвечал на телефонные звонки.

Так что этот случай, что ни говорите, – просто убийство.

Осмотры, заключения, справки, постановления...

Он отложил в сторону первую папку и распахнул вторую.

Южный административный округ. Парк Царицыно. Ей семнадцать. А он сделал с ней то же самое, что сделал с первой в лесопарке Измайлово. Тоже просто убил. Два ножевых, одно из которых в сердце, второе, как и в первом случае, в легкое.

И снова осмотры, справки, постановления, допросы и заключения. И фото девушки.

Кряжин поиграл глянцевым зайчиком на стене кабинета. Мила, вне сомнений. Была.

И нашел дело третье. Западный округ, конечно, опять лесопосадки, опять два ножевых, перед которыми было насилие. И это дело толще остальных. Кряжин перелистал его веером, как перелистывает курсовую преподаватель физики, оценивая количество прилагаемых к работе схем и графиков.

Нет, дело толще не потому, что вдруг появились свидетели. Просто следователь прокуратуры Западного округа оказался более шепетильным в отработке такого преступления, как убийство, сопряженное с изнасилованием.

А вот и дело четвертое. Возбуждено прокуратурой Восточного округа тем же следователем, что и в первом случае, и – о, чудо! – у него хватило наконец-то ума передать дело в Генеральную прокуратуру. Это кто же такой сообразительный в прокуратуре Восточного округа? Через пять или шесть листов Кряжин нашел фамилию и, не узнав, пожал плечами.

До обнаружения трупа в ночь под Рождество в лесопосадках Измайлово этот следователь складировал у себя все четыре дела. Все, кто возбуждал последующие уголовные дела, видели связь с предыдущим, и дело отправлялось к следователю, осматривавшему труп в лесопарке.

Кряжин пожевал губами и откинулся на спинку кресла. Он сейчас готов биться об заклад, что этот следователь, поняв, что второй труп – не последний, и увидев характерный почерк маньяка, не одну неделю потратил на то, чтобы выяснить, не было ли подобного случая до того злополучного дня, когда его вызвали описать в протоколе картину неподалеку от остановки девяносто седьмого автобуса в Измайловском лесопарке.

Но следователь ничего не нашел и взвалил себе на спину крест. Потом пришлось присоединять дело с трупом в лесопосадках Тропарева – третье по счету. А после – с трупом в лесопосадках Измайлово. И вот тут он мог вздохнуть с облегчением. Налицо был тот случай, когда под давлением не столько закона, сколько общественности пора было передавать кипу уголовных дел в Генеральную прокуратуру. Так кипа оказалась у Вагайцева.

А потом в Северном округе в лесопосадках близ стадиона «Молния» была убита очаровательная семнадцатилетняя девочка.

А потом – еще одна. В Юго-Восточном округе, в лесопосадках Жулебина. Дело было без четверти десять вечера двадцать второго февраля, а через час МУР задержал Разбоева.

Больше убийств не было.

Отодвинув от себя дела, Кряжин встал и прошел к окну. За ним, кружась под неслышимую человеческому уху музыку, танцевали мириады снежинок. Чуть дальше, за белесой пеле-

ной, сотканной танцем, виделась ограда, за ней – торопящиеся попасть в теплые помещения люди.

По привычке он подошел к карте Москвы и осторожно загреб из картонного ящика, чтобы не уколоться о булавки, несколько красных флажков.

Последний раз он, советник, так «флажковал» людоеда Саина. Нет, тот не ел людей. Предпочитал телячьи отбивные, запиваемые «Киндзмараули». Но людей Саин угробил столько, что иначе как людоедом его не назовешь.

Саин резал в Бирюлеве, в Медведкове, в Химках и Нижних Котлах. Резал ради сережек, колец, сотовых телефонов и пары сотен рублей в кошельках. Уроженец Украины упрямо шел на мировой рекорд по количеству уничтоженных человеческих жизней, но не дотянул и до национального. На двенадцатой по счету жизни он почувствовал гон и вдруг решил снова стать украинцем. Затосковал по родине и засобирился в дорогу, на ридну Черниговщину. Но был снят Кряжиным с фирменного Москва – Киев за две минуты до отправления.

Тогда он его лежку огораживал теми же флажками. Было это два года назад.

Когда на карте появился рисунок, Кряжин сел на стол и закурил.

Да, теперь можно сказать точно: помотало бедолагу по столице. О Разбоеве речь. Всмотревшись еще пристальней, Кряжин вдруг наклонил вбок голову, что означало крайнюю степень задумчивости, и снова полез в карман за сигаретами. Привычка носить пачку в кармане даже в кабинете тоже отработывалась годами. Сколько раз он, молодой следователь, будучи срочно вызванным, оставался на весь день без сигарет...

– Интересное кино, – пробормотал он, разглаживая перед картой подбородок. В зубах его дымилась сигарета, и дым этот нестерпимо выедал глаза. – Очень интересное. А Вагайцев говорит, что с Разбоевым можно и не встречаться. Как же тут не встретиться?..

– А где он, кстати, жил до «Красной Пресни»? – тут же спросил он сам себя.

Ответ советник нашел в последней папке за подписью Вагайцева. Перепроверил его с документами в первых папках, и вышло: улица Парковая, с домом и квартирой.

– Парковая? – наморщил виски Кряжин. – Парковая...

Очень хотелось подойти к карте и прекратить натужное воспоминание, но он заставил себя высесть на месте и через две минуты пошел проверять свою память.

И с удовлетворением отметил, что оказался прав. Улица Парковая находится как раз в Восточном округе, неподалеку от мест первого и четвертого убийств.

– А вот это кино уже не столь интересно, сколь удивительно, – он снова уселся на стол и на ощупь поискал за спиной пепельницу. – Как же тут не встретиться?

И уже не обращал более внимания на карту. Раскидал по столу тяжелые папки и стал распаивать их на том месте, где было хоть одно стороннее мнение о Разбоеве. Таковых оказалось мало, все больше мнения казались специально подготовленными для обвинительного приговора суда, а потому он обратился к тем документам, которые обязан собрать каждый следователь перед тем, как передать дело прокурору на подпись для отправки его в суд.

«Характеристика» – именовался документ из МГУ, где совсем еще молодой Б.А. Разбоев готовился стать физиком-теоретиком. «Для предъявления по месту требования». Такое впечатление, что это не Вагайцев запрос делал, а сам Разбоев отпросился из «Пресни» у «хозяйина» («Мне за характеристикой сходить»), пришел в альма-матер и сказал: «Дайте мне реноме для кое-куда».

Ага... Кряжин растер пальцами подбородок и принялся искать истоки формирования нынешних коварных помыслов маньяка в анналах истории...

Из первых же фраз в документе становилось ясно, что тот, кто характеристику давал, не вспоминал бывшего студента, а думал, как побыстрее избавиться от севшего на шею прокурорского.

«Разбоев Б.А. обучался в МГУ в период с 1984 по 1989 г...»

«За время обучения проявил себя человеком скрытным, подозрительным. Рвения к учебе не проявлял».

После прочтения вынужден был согласиться с тем, что характеристика давалась не бывшему учащемуся, а уже нынешнему обвиняемому. Делается это так: приезжает следователь и говорит: «Здравствуйте. Мы по поводу одного вашего бывшего студента. Он сейчас маньяк. Не могли бы вы дать ему объективную, беспристрастную характеристику?» После этого поди напиши, что маньяк проявлял недюжинный интерес к истории Средних веков и художественной самодеятельности.

Кстати, зачем Вагайцеву понадобилась характеристика из юности подозреваемого? Искал корни преступности в молодых порывах души убийцы? Тогда где характеристика из школы? Где из детского сада? Воспитательница, вспомнив Разбоева, должна была вспомнить и такую сценку:

– Боря, ты зачем на ромашке гадаешь?

– Я не гадаю, Марьянна. Я выдираю из нее лепестки.

Эх, эти следственные старания, не доведенные до конца, а потому лучше бы их не было в деле вовсе. Торопился Вагайцев в Гагры, ох, торопился... Кряжин поморщился. Полужестов он не любил. А непоследовательность в работе просто презирал.

А это что? Ага... Кряжин саркастически оскалил золотой «глазной» зуб, потому что прочел текст еще раньше, чем разгладил складку между листами.

«Характеристика на Разбоева Б.А. Жильца пятой квартиры. Неженатого.

Разбоев Б.А. характеризуется в основном положительно. Помогал ввинчивать лампочки в подъезде, строил детям ледяную горку. Из отрицательных качеств: курит. Выпимши бывает редко, только по праздникам. Гонял кошек и голубей. В грубости замечен не был. В дурных компаниях не находился...»

«А вот последнее замечание в сем документе для суда явно не явится позитивным мазком на портрете Разбоева, – подумал Кряжин. – Маньяки с дурными компаниями как раз и не водятся и акционерных обществ для реализации своих планов не организуют. Их больше прельщает индивидуальное частное предпринимательство».

И опять, как и в случае с первой характеристикой, возникает настоящая лава вопросов. Если, к примеру, Б.А. Разбоев гонял голубей и кошек в седьмом классе средней школы, то это одно дело. Если же научный сотрудник Разбоев Б.А. занимался этим вплоть до ареста, то – совершенно другое. Но семь этих росписей, исполненных руками жилищек дома, младшей из которых, судя по почерку, лет восемьдесят, уверены, что их характеристика не самому плохому парню Боре Разбоеву поможет.

Если сейчас выдрать из сочинения Вагайцева все, что к делу не относится, то оно похудеет на несколько килограммов. Есть следователи, которые в прошлой жизни значились приемщиками макулатуры, и Кряжин был уверен, что, принеси ему декан МГУ вместе с характеристикой устав университета, тот подшил бы и его. Натура такая.

Покусав губу, советник всерьез задумался о том, что непосредственно дело он изучать еще даже и не начинал. Копнул по интересующим его вопросам, и тут же выяснилось, что, прежде чем начать, нужно отсортировать. Нарвать, скажем, закладок штук двести, разделить пополам и каждую подписать: «—» – не нужно; «+» – нужно. Да и вложить в дела по необходимости. Или же, чтобы дела не выглядели, как груда убитых петухов, просто загибать уголки тех листов, обращать внимание на которые не стоит.

Скажем, что необходимого для дела может представлять документ на 180-й странице 14-го тома, обозначенный следователем Вагайцевым как «Описание брючного ремня Разбоева Б.А.»? В деле он следует сразу после протокола личного досмотра задержанного.

«Ремень представляет собой полоску кожи, длиной 101,5 см, шириной 4 см и толщиной 2 мм. Кожа ремня с лицевой стороны темно-коричневая, с изнаночной – светло-коричневая. Пряжка металлическая, с двумя шипами, белого цвета. На стороне ремня, обратной стороне с пряжкой, имеются шесть проколов...»

Досадно. Досадно и обидно, что следователь Вагайцев не указал калибр отверстий и расстояние от крайнего отверстия до конца ремня, обратного концу с пряжкой. Вполне возможно, что этим Александр Викторович скрыл от суда истинный мотив поведения Разбоева. Можно было подумать, что Вагайцев подозревал, что Разбоев этим ремнем связывал жертву, однако нигде более слово «ремень» Кряжин не обнаружил. Ни на одной из трех тысяч семисот сорока четырех страниц этих томов.

Как не обнаружил более и слова «огнестрельное оружие».

«Наркотиков, огнестрельного и холодного оружия в карманах одежды Разбоева Б.А., – пишет Вагайцев в протоколе спустя пять минут после задержания МУРом убийцы, – обнаружено не было».

Тогда, следуя логике вещей, следует упомянуть еще и о том, что в карманах одежды Разбоева не было обнаружено: прибора ночного видения, костюма Винни Пуха, клея «БФ-12», детского ведерка и ремня генератора на автомобиль «Хонда-Аккорд».

Кряжин недовольно поморщился и мягко перелистнул страницу. Работа, которую он на себя принял по просьбе Смагина, стала казаться ему весьма энергоемкой. Лампа в его кабинете горит второй час, сослуживцы уже – кто в метро, кто в авто по дороге домой, а советник сидит и ломает голову над тем, зачем в пятнадцати томах объединенного уголовного дела так много лишних бумаг.

К двенадцати часам ночи, бегло пролистав и вникнув в каждую строку протоколов допросов и осмотров, выяснив для себя моменты, которые были очевидны для него, но оказались недоступны для Вагайцева, Кряжин набросал для себя общую схему происшествий. Основная канва, фабула преступлений для всех шести эпизодов была едина и выглядела следующим образом.

Девушка, обязательно светловолосая, возрастом шестнадцати-семнадцати лет, поздним вечером возвращается домой.

Она обязательно должна быть чуть пьяна, обязательно с сумочкой, и непременно с мобильным телефоном.

Идти она должна по безлюдной местности, по тропинке среди лесопосадок или заросшего парка со стороны остановки такси или общественного транспорта.

Нападут на нее непременно сзади. Ударят в спину, сбивая дыхание, чтобы она не смогла крикнуть, и, когда она упадет и попытается закричать, ей нанесут удар ножом в легкое.

Крик оборвется, ибо крик с пробитым легким невозможен.

В это время ее будут раздевать и насиловать. Девушка будет сопротивляться, делать это ей будет затруднительно из-за раны, грозящей кровопотерей, и она будет исходить кровью и терять силы.

Убийцу заботить это не будет. Закончив, он нанесет жертве удар в сердце и, не забрав ни рубля из кошелька или сумочки, уйдет. Но перед тем как удалиться, сделает один звонок по телефону девушки. И с ночи самого первого убийства, с пятнадцатого июля две тысячи третьего года, все матери Москвы, имеющие дочерей в возрасте жертв, будут сходиться с ума, когда стекла на окнах начнет заливать сиреневыми чернилами вечер, дочери будут опаздывать, а на столах комнат вдруг будут звенеть телефоны.

«Даша (Ира, Инна...)! – будут подбегать к телефонам матери. – Это ты?» – подразумеваемая дочь.

«Да, мама, – заговорит веселым голосом дочь. – Я уже перед дверью, открывай...»
И отпустит на сердце, и станет сразу легко и спокойно. Мать откроет, дочь войдет.

Но хуже тем, кто в ответ на свой тревожный вопрос вдруг услышит: «Даша (Ира, Инна...) сегодня не придет домой».

«Саша (Дима, Игорь...), так это ты?» – будут удивляться матери, почему это от имени дочерей говорят их парни.

И похолодеет сердце у матери, когда она услышит в трубке слова, которые стали для шести матерей роковыми...

И еще пять дней сидел Кряжин над томами. Носил их по одному, по два домой, перечитывал под светом лампы, подкладывал под корочки чистый лист бумаги, делал пометки, как на полях, сравнивал листы одного дела с другим и откладывал вместе с делами в сторону, чтобы заняться новыми.

Минуты ползли медленно, превращались в часы, часы – в вечера, переходящие в ночи. Смагин дал две недели на все. Срок немалый, если учесть, что дело следствием завершено и на все вопросы даны исчерпывающие, все объясняющие ответы. И срок ничтожный, если вдруг выяснятся мелочи, ранее не отработанные.

Недоработки есть в каждом деле, их не может не быть. Никто не безгрешен, в том числе и следователь. Особенно если это следователь Вагайцев, торопящийся в Гагры в декабре.

Смагин Кряжина не торопил. Встречая его в коридорах, дважды за пять дней заглянув к нему в кабинет, начальник управления ни разу не завел речь о деле Разбоева.

– Вчера видел твою балерину, – бросил он однажды, закуривая, едва переступил порог.

Тема была давно пережита, а потому задеть советника не могла. Тот даже не оторвался от записей, лишь стрельнув глазами в сторону вошедшего. Балерина, о которой зашла речь так неожиданно и несколько не к месту, была одна из солисток Большого, с коей Кряжин однажды едва не завел то, что на языке лириков именуется романом. Он всегда был сторонником изыска в отношениях, знатоком классики и любителем утонченности. Это и стало решающим в едва не совершенной Кряжиным ошибке. Но ошибку ту исправила сама прима. Только что потеряв голову от Кряжина и не успев ее еще как следует найти, она тут же увлеклась хореографом.

– Вероятно, закончились гастроли, – философски отнесся к новости Кряжин.

– Она стояла у входа в прокуратуру и взглядом, полным тоски, смотрела на бронзовую табличку. Бедная женщина... Она до тебя не дозвонилась?

– Дозвонилась, – Кряжин нехотя оторвался от какого-то протокола и поднял на Смагина взгляд. – Я послал ее в Большой. И не такая уж она бедная. «Ауди» перед входом видели? Она на нем.

– Вчера был на «Локомотиве»... – выждав, сменил тему начальник управления.

– Да вы о деле Разбоева никак спросить хотите? – перебил Кряжин.

– Нет-нет, работай, – засуетился госсветник и покинул кабинет.

«Нет-нет, – мысленно передразнил Кряжин и снова склонился над делом. – Как же...»

«Тело расположено у подножия клена, головой в сторону остановки общественного транспорта... Руки раскинуты в стороны, при этом правая лежит вдоль туловища, а левая согнута в локте и ладонь тыльной стороной наружу находится на уровне головы...»

Кряжин не знал, как читают протоколы другие следователи. Не знал, но догадывался по их последующим действиям. Кому-то из них хватало изложенного, все написанное он воспринимал на веру, не желая мучить себя поисками. Другие врезались в материал, и половина из них дела переиначивала, приводя к тому же концу, да только с другой стороны, ибо считала такое развитие событий более правдоподобным. Но были и те, кто, пытаясь живописно представить описанные сюжеты, искали в них правду и, не находя, начинали искать ее сначала.

Наверное, Кряжин относился к последним. Все, что он пытался сделать, перечитывая чудовищные по объему материала тома Вагайцева, это придать написанному реальность. Вдохнуть в скупые диалоги главных действующих лиц жизнь и в жизни этой увидеть правду.

Время у советника еще было. Его нет у Генерального и Смагина. У Разбоева этого времени – залейся. Вагайцеву – тому вообще на все наплевать. Он в Гаграх, и дело у него производством принято. А сколько было у советника времени? На оживление этого сборника печальных историй, расположившихся на трех тысячах семистах страницах, его, пожалуй, хватит.

Краткое жизнеописание жизни Виктории Заевой, шестнадцати лет от роду

Она родилась в семье богатой даже по меркам высшего московского общества. Папа жил в столице, качал нефть в Уренгое, тратил деньги в Европе, а работал в Думе. Мама, как принято в достойных семьях, работала дома. Администратором домашнего хозяйства.

Девочка Вика училась в Англии, а на каникулы приезжала домой. Она планировала поступить в колледж и стать светской львицей. О чем еще может мечтать девочка из прайда преуспевающего бизнесмена и бывшей фотомодели из Монте-Карло? От мамы Вике достались французская лукавая статья, от папы – целеустремленность. Но была еще бабушка, и теперь многие связывают трагедию именно с наследственностью по линии Викиной бабушки. Старушка учила девочку любить людей, доверять им и всегда приходить на помощь в трудную минуту.

В один из летних вечеров девушка засиделась у подруги, чья семья прозябала в двухкомнатной квартире на улице Заводской близ Измайловского лесопарка.

– Мне пора домой, – вздохнула Вика, уложив на колени до конца перелистанный журнал.

– Хочешь, я тебя провожу? – живо предложила девочка, лишь месяц назад закончившая школу. – Если идти через парк, у нас уйдет на это минут двадцать, и сразу выйдем на остановку такси. У тебя ведь есть деньги на такси? – машинально спросила она и тут же покраснела – у Вики, да не будет денег? У нее рублей может не быть, а долларов в сумочке хватит на поездку во Владивосток.

Они вышли из подъезда ровно в половине двенадцатого ночи, хотя отец Вики строго-настрого запрещал ей выходить на улицу в это время без сопровождения охранника. Но сегодня она обманула папу – зачем эта суета, если она исчезнет из дома на каких-то три часа?

До остановки оставалось минут десять, и подружка остановилась. Ей тоже было пора домой, и все выглядело справедливо: если она доведет Вику до остановки, то домой будет возвращаться одна. А так им обоим осталось по десять минут быстрой ходьбы. Они поцеловались и разошлись.

Вика дошла до остановки, села в такси и уехала домой.

Подружке повезло меньше. Когда в полной темноте стал различаться синий столб – выход из леса, она услышала за спиной быстрые семенящие шаги. Ей стало жутко страшно, и она побежала. Через минуту, когда синий столб стал выше и шире, она почувствовала удар, от которого подкосились ноги. Она ударилась оземь. Ей было больно, голова казалась тяжелой, и она сразу решила сделать то, что машинально делает в таких случаях любая женщина: она закричала.

Но в тот момент, когда с ее уст должен был сорваться первый звук, что-то горячее вошло ей в правое легкое и сорвало крик с губ.

Тяжесть со спины ушла, и девушка медленно поднялась на ноги.

Кто-то невидимый подхватил ее и поволок в сторону от дороги.

Она хотела крикнуть еще, но от напряжения едва не потеряла сознание – спина тут же залилась чем-то горячим, а изо рта хлынула кровь – она точно знала, что кровь, еще вчера она прикусила язык, и запах во рту был тем же.

Ее тащили сквозь кусты, ветви царапали лицо и ноги, но она не чувствовала боли, потому что была полностью поглощена ужасом, охватившим ее. И даже не почувствовала, как ее снова бросили, как куль с мукой. Перевернули лицом вверх, и в этот момент она увидела смерть. Она взлетела над ней в виде длинной полоски стали, и звезды на чистом небе сияли на ее блестящей алой поверхности. И была боль под сердцем. Но совсем недолго.

Когда все было закончено, убийца встал и сдернул с плеч еще теплого тела сумочку на длинном ремешке.

Что это? Это телефон. Один из самых простецких, дешевых.

Пощелкав светящимися кнопками, убийца найдет в телефонной записной книжке абонента «Dom» и нажмет кнопку соединения.

– Таня? – спросит мама девочки. – Ты где? Ты проводила Вику?

– Таня сегодня не явится домой, – прозвучит трескучий холодный голос.

– Саша?.. – недоумевая, предположит абонент «Dom». Ну, конечно, он! Как это – не придет? – Саша, вы где?

– Это не Саша. Но он мой должник. Эта сучка не сможет испоганить его жизнь.

Обезумевшая мать тут же сообщит о случившемся в милицию и позвонит Викиным родителям. Вика к тому моменту уже будет дома, и ее отец тут же направит в адрес безутешной родительницы своего начальника службы безопасности.

Однако потом, сразу после такого жеста порядочности, стали происходить забавные вещи, понять которые смогли лишь следователь прокуратуры Восточного округа, возбудивший уголовное дело, и старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры Вагайцев. Посредством проведения очных ставок и следственных действий оба выяснят, что Вика в доме своей бывшей одноклассницы не была, Вика находилась весь день дома.

А Вику опросить повторно, к сожалению, не удастся. У Вики начались подготовительные занятия в Лестерской школе, и она туда убыла. Гнев Таниной матери представить нетрудно, но, как выяснят следователи прокуратур, он будет вызван не чем иным, как расстройством по случаю смерти дочери. И даже не станут возбуждать в отношении Таниной матери уголовного дела по факту дачи ложных показаний, на чем так настаивал Викин папа. Следователи – они тоже люди. Они живые, и слепо повиноваться требованиям буквы закона в такой ситуации не могут. Не имеют права.

На этом жизнеописание Вики, шестнадцатилетней девочки из благополучной семьи заканчивается. Следует верить, что в ее жизни неприятных моментов больше не произойдет. Друзей у нее, надо думать, будет много, и только потому – хочется верить, – что о неприятном инциденте в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое июля две тысячи третьего года знать они не будут.

Но уже к вечеру шестнадцатого июля многие матери Москвы, имеющие дочерей юного возраста, установят в своих квартирах телефоны с автоматическими определителями номера и устройствами, записывающими разговор.

С трудом размяв уставшую шею, Кряжин с тоской – с той же, наверное, что и его не случившаяся любовь из Большого театра, – посмотрел за окно. День был ясен, мороз невелик, и по Большой Дмитровке ходили свободные люди. Им не нужно сидеть вот так, согнувшись над столом, и вникать в чужие истории, полные животной страсти, боли и страха. Однако едва Кряжин представлял, что кто-то из этих, свободных, через несколько минут сядет за кульман и начнет вычерчивать схему вентиляции или распахнет талмуд со статистикой посещения лекций по аэродинамике, его тоска улетучивалась, и он снова чувствовал себя счастливым человеком. Гораздо более свободным, чем те, что на улице.

Трагический случай, уведший из жизни Ирину Галкину, девочку шестнадцати лет

Парк Царицыно среди районов Москвы по количеству противоправных действий в милицейских сводках первое место никогда не занимал. Так, среднячок.

Перекинув через плечо сумочку, Ира выскочила из подъезда дома, где жила (прошедшее время можно употреблять уже с этого момента), и от улицы Первой Радиальной до Третьей Радиальной решила пройти в клуб на танцы не через Царицынское «кольцо», а через парк. Так быстрее – проверено.

В парке она выбрала улицу пошире и посветлее и, думая о том, что скажет Роме о его вчерашнем поступке, зацокала каблучками по асфальту. Рома, он парень симпатичный, похожий на солиста одной известной рок-группы, постоянно выступающей по «ящику». Ира постоянно думает, когда крутят клипы с этим солистом, каков он в жизни. Наверняка порядочен, нежен, не чета ее недавним выпускникам, покуривающим в подворотнях канабис и становящихся вальяжными, едва им в руки попадет двадцатка долларов. Но она попадает им в руки довольно редко, а потому они чаще скучны и неинтересны. Рома от них отличается, «травкой» не балуется – он играет в «Спартаке» за юношей. А потому его больше интересует клюшка, чем гуляние по Арбату. Вчера он был откровенно резок и заявил, что бросать спорт ради нее не намерен. Но она и не просила об этом! Ира всего лишь выразила вслух желание, чтобы он чаще с ней бывал. Рома позвонил вечером и сказал, что будет ждать в «Бригантине». И пока тянется этот бесконечно длинный, уже светлеющий в темноте отмершими листьями сентябрьский лес, стоит подумать о том, что Роме сказать. Нельзя вот так прийти и восхититься: «Ромочка, ты у меня супер!»

Отряхнувшись от наваждений, Ира вдруг почувствовала, что идет не одна. И идет вовсе не там, где идти собиралась, – совершенно забыв о случае, произошедшем два месяца назад в Измайловском парке, – она всегда ходила по освещенным участкам вечерних улиц и обязательно следила за прохожими. Сейчас получалось, что она, вопреки данному себе слову, свернула к тропинке, укорачивающей дорогу минут на пять, и теперь следует по ней почти в полной темноте. Нехорошо как, неудобно...

И этот звук мягких подошв, слышимый за ее спиной. Кто идет за ней? Такая же опаздывающая в «Бригантину» к началу танцев или просто «ночник» – рабочий с ночной смены?

Она ускорила шаг.

Когда до выхода из парка оставалось метров двести, а до кафе – около трехсот, шаги за спиной прекратились.

«Слава богу», – облегченно подумала девушка и в тот же момент почувствовала сильный удар в спину.

Мысли оборвались, как нитка между спицами.

Она, сдирая в кровь локти и врезаясь грудью в грязь, совершенно не знала, что нужно делать дальше. Когда сообразила, кричать было поздно – тонкое и длинное лезвие ножа вошло под ее правую лопатку. На какое-то мгновение девушка потеряла сознание, а, когда пришла в себя, поняла страшное: кто-то, крепко ухватив за обе ноги, волочет ее по сырой и мягкой траве в глубь леса.

Кричать было невозможно, да и бессмысленно. Где-то впереди уже слышалась музыка, вырывающаяся из приоткрытых окон «Бригантины», и любой писк в лесу будет воспринят случайными прохожими как истому девицы, углубившейся в лесок со своим пареньком, дабы им никто не мешал.

Она смотрела в синее небо, а с него на нее смотрели холодные звезды. Она все отдала бы сейчас для того, чтобы поменяться с любой из них местами.

Одежда с девушки слетала какими-то лохмотьями. Наверное, тот, кто ее срывал, помогал себе ножом. Что с ней делали дальше, она не понимала. Она умрет за несколько минут до того, как нож, уже побывавший в ее теле, войдет в ее сердце.

Убийца вынет из ее сумочки телефон, найдет искомого абонента в адресной базе и на вопрос: «Ира, ты?» – ответит:

– Нет, не она.

«Рома, ты, что ли?» – раздастся из трубки, и убийца ответит:

– И не он. Я его даже не знаю. Но отныне он мой должник. Его сучка больше никогда не изменит ему.

Через час Царицынский парк заполнят люди в форме, люди в штатском, кинологи и их собаки. А в трехстах метрах от того места, где они будут изучать каждый сантиметр местности, будет грохотать музыка и Рома, не дождавшись Иру, будет танцевать с другой. И будет очень удивлен, когда его выведут из зала двое крепких мужчин из МУРа и доставят в парк.

Все, что останется памятью о последнем дне Иры Галкиной, уместится на нескольких сантиметрах пленки телефонного автоответчика.

...Жанна Лепесткова. Семнадцать лет.

– Жанна?

– Нет, не Жанна.

– Тимур?

– Не он. Но он мне обязан, что эта сучка Жанна никогда не похитит его юность...

Инга Фурьева. Семнадцать.

– Инга, ты где?

– Это не Инга.

– А кто это??

– Тот, кому мужчина вашей Инги останется должным на всю жизнь.

Алена Чехова. Ей шестнадцать, и она собиралась жить вечно.

– Алена, твои ночные вылазки без предупреждения становятся невыносимы!

– Я не Алена. Я спаситель того, кто хотел связать с ней свою жизнь.

И наконец, шестнадцатилетняя Сабрина Небога.

Этот вечер начинался необыкновенно. Она посидела в ресторане на свадьбе старшей сестры, выпила превосходного вина, которое привез сестрин свекор из Шампани, потанцевала с мальчиком (завтра нужно позвонить по телефону, который он написал на салфетке), и, когда проспавшийся в углу ресторана, прямо под барабаном родственник сестрино мужа распахнул мутные, как воды Терека, глаза и воскликнул «горько», она посмотрела на часы.

Боже! Отец приедет из Надыма – будет разговор...

Уйти она решила, не попрощавшись – уж очень счастливо было лицо сестры, танцевавшей с мужем. Домой! Бегом в гардероб – и домой!

О, этот холод... Утром было под тридцать, днем – тридцать один. Она сама видела термометр за окном кухни. Сейчас, наверное, под сорок. Нужно было надеть рейтузы, мама была права.

От ресторана до дома – две остановки на автобусе. Но сейчас автобуса не дождешься – в такой мороз по дорогам ездят только такси. Опять незадача – садиться в полночь в чужую машину не очень хочется. Хоть в этом маму послушать...

И она посеменила через лесопарк Жулебина, думая только о том, как побыстрее добраться до дома. В сумочке уже дважды трезвонила трубка – это, конечно, мама. Сейчас будет большой шум прямо в прихожей.

И вдруг лес перевернулся. Больно ударившись головой о натоптанную тропинку, она попыталась встать на ноги. Но кто-то сильно ударил ее ногой в грудь, и она опрокинулась, как кукла, на спину.

Кричать! Что есть сил!

И в этот момент что-то холодное, нестерпимо ледяное вошло ей в грудь. «Сосулька?» – думала она, теряя силы.

А потом был второй удар, оборвавший для нее все в этом мире.

Что было дальше, Сабрина не знала...

– Не надейся, что на этот раз отец ничего не узнает! Завтра он придет с работы и узнает, как его дочь проживает дни подготовки к экзаменам! Ты слышишь меня? Ты слышишь?!

На этот раз убийце пришлось звонить дважды. И только тогда мать назвала девочку по имени.

– Сабрина, твои детские выходки совершенно неуместны...

– Это не ваша дочь, – отчетливо произнес незнакомый женщине голос.

– Витя?

– И не Витя.

– Тогда... кто?..

– Витин ангел-хранитель.

Распечатки коротких телефонных разговоров, их точные копии в допросах матерей, еще до изъятия кассет из приемников телефонных аппаратов, допросы тех, чью жизнь «спас» убийца. И фотографии, фотографии, фотографии... Снимки форматом 9г12 и 10г15, раскрывающие таинство того, как это «спасение» осуществлялось.

К окончанию седьмого дня работы он вошел в приемную Смагина с папкой для докладов в руке.

Смагин принял его как обычно. Как принимал одного Кряжина – придвинул к месту за длинным столом, выбранному Кряжиным, пепельницу и сам нажал на чайнике кнопку. Тот сразу же зашумел, что свидетельствовало о том, что Смагин даже более чем приветлив. Чаепитие он закончил только что, но из-за Кряжина готов выпить еще.

Устав от монотонных дней последней недели, когда он только и делал, что читал, помечал и размышлял, советник был не так приветлив, как его начальник. И вид его, невозмутимо-равнодушный, словно говорил: «Чуть не умер от скуки, но сделал все, о чем просили». Смагин ожидал, что из папки появится дюжина листов с привычной взгляду «шапкой» на листе титульном: «Обвинительное заключение», однако вместо этого принял в руки рапорт, и по лицу Кряжина можно было предположить, что это рапорт об увольнении.

– Что это? – Вопрос можно было не задавать, потому как Смагин читать уже начал, а текст едва занял страницу.

Кряжин терпеливо выждал две минуты.

– Объясни, зачем тебе нужно встречаться с Разбоевым?

– Для меня остались непонятными два вопроса.

– Назови второй, – Смагин снял очки и закусил дужку.

Следователь виновато улыбнулся и вытянул из кармана сигарету.

– Я так и знал, что мой первый вопрос у вас сомнений не вызовет. Перечитав материалы дела, я так и не уяснил для себя мотив, который двигал Разбоевым. Что касается второго... – Щелчок зажигалки разорвал тишину неожиданно возникшей паузы, как граната. – Егор Викторович, если я не ошибаюсь, то основной причиной, почему был задержан Разбоев, явился телефонный звонок соседки в ночь первого убийства.

Смагин пожал плечами.

– Да, Иван Дмитриевич. Если не учитывать добровольное раскаяние подозреваемого и его проводки по местам совершения преступлений, где он показывал без подсказок, как убивал и где оставлял трупы, – и он развел руки. – Я уже не говорю об образцах крови, изъятых с одежды Разбоева сразу после задержания.

Советник встал, откинул в стороны полы пиджака и погрузил руки в карманы. Его сейчас, казалось, не интересовало ничто, кроме крошечного обрывка белой нитки, повисшей на тяжелой шторе кабинета начальника Следственного управления. Он снял ее, долго изучал, понимая, что испытывает терпение начальника, и только тогда, когда пауза стала превышать максимально допустимые размеры, растер между пальцами и швырнул катышек в кадку с фикусом.

– Да, это существенная доказательная база. Закреплена результатами экспертиз, видеосъемкой и протоколом явки с повинной. Я ознакомился.

– Так за чем же дело стало? – без удивления поинтересовался Смагин.

– Чего стоит эта база для состава суда присяжных, если эти двенадцать из достойнейших поймут, что явка писана после задержания, а потому явкой с повинной являться не может? Судебно-медицинская экспертиза определила, что кровь на одежде Разбоева относится к третьей группе, то есть идентична крови первой потерпевшей. Но я не увидел в деле доказательств того, что эти следы – кровь жертвы, а не другого лица.

Пройдя к начальнику, он оперся руками на стол перед ним и склонил голову.

– И еще задолго до того, как взял в руки дело, я мог провести любую следственно-оперативную группу по тем местам, где были обнаружены трупы девушек. Я рассказал бы, как их убивал и в каких позах оставлял, уходя.

Смагин помедлил с ответом и направился к закипевшему чайнику. Уже оттуда, стоя спиной к советнику, справился:

– Это как?

– Трупы показывали все московские телеканалы. И их журналисты очень подробно рассказывали, где те трупы обнаружены, какие увечья нанесены жертвам и весьма точно называли причины наступления смерти. В качестве следственного эксперимента предлагаю привести сюда любую женщину старше пятидесяти. Она проведет вас по памяти по всем закоулкам Санта-Барбары, расскажет, как выглядела спальная Си Си и зачем Мэйсон отрастил бороду. При этом будет точно установлено, что тетка ни разу не выезжала дальше Золотого кольца России.

Смагин помедлил, раздумывая, правильно ли он поступил, попросив закончить дело Кряжина, а не кого другого, и только после этого, решившись, поставил размашистую роспись на постановлении о продлении сроков предварительного следствия.

Глава третья

В России один показатель состояния здоровья: можно пить и нельзя пить. Еще год назад Разбоеву пить было можно. Поскольку пристрастился к этому виду разочарования в жизни он довольно поздно, в тридцать три, то в коллективе, в котором он оказался сразу после того, как пал, он выглядел человеком сторонним. Внешне, разумеется. Поутру его лицо не было смято ночными муками нарушенного процесса обмена веществ, не болела голова, но вскоре все стало на свои места. Для того чтобы на вопросы бывших знакомых, приходящих в ужас от разительных перемен в Разбоеве: «Как дела?» – с раздутым лицом отвечать: «Ничего», Разбоеву понадобилось всего полгода. Ведь только в России ответ на вопрос: «Как дела?» – «Ничего» означает, что все в порядке.

На самом же деле Разбоев говорил правду, и понимать ее следовало однозначно. У него теперь не осталось ничего. Даже память, натренированная математическими выкладками и сложными физическими теоретическими преобразованиями, и та стала давать сбои. И было бы удивительно, если бы сбоев не было. Практически ежедневно, набираясь сомнительным спиртным, от которого можно потерять не только память, но и рассудок, Разбоев участвовал в низкопробных разборках. Возникали они, как правило, из ничего и заканчивались хорошей потасовкой. Из потасовки бывший теоретик, так и не сумевший овладеть практикой, выносил сотрясения мозга, и за несколько месяцев до ареста довел себя до того состояния, когда человек утром совершенно не помнит того, чем занимался вчерашним вечером и нынешней ночью. Во рту засуха, значит, вчера опять пили. Одежда грязна и потрепана сильнее, чем вчера, значит, пили много и на ногах не стояли. Болит нос и рубашка на груди коробится, как картон, – значит, была драка, то есть били.

– Разбой, ты сколько сегодня в кассу сдал? – спрашивал Гейс.

– Тридцатку, – виновато отвечал Разбоев.

– И на тридцатку ты хочешь выпить и закусить?

Били в ухо, не по злобе. Но брагой делились. Иначе нельзя.

Но сколько бы Разбоев ни пил, перед его глазами постоянно вставала Мариша. Потом, когда образ ее стал стираться, ее место заняла какая-то раздетая женщина, и в воображении Разбоева, где он был здоров, силен, хорошо одет и при деньгах, она всегда готова была с ним переспать. Минута отдыха – и образ ее, телесно-ажурный, вставал перед ним, как маяк. И он снова чувствовал те позывы в организме, которые не мог перебить даже алкоголь технического состава.

Наступали моменты, когда ему становилось совсем уж неважно и он ходил по местам сборищ таких же опущенных лиц, как он, чтобы там по возможности перебиться тем, что есть. Сделав несколько вылазок, он понял, что все, что было доступно, было безобразно и чудовищно, и пыл его, волнующий разум, угасал так же резко, как и рождался. Все, что его интересовало, была либо Мариша, либо нечто похожее на нее. Разбоев вспоминал свои молодые годы с Маришей и ее, золотовласую, поддающуюся каждому его движению. Ни спиртное, ни дневные труды по поиску пропитания не могли удалить это наваждение. Вскоре состояние Разбоева завело его в тупик, и он стал искать места поближе к школам и другим учебным заведениям, дабы была возможность набрать на ночь побольше материала для своей больной фантазии.

Был ли он болен? Кто знает. Всепобеждающая тяга мужчины к женщине нездоровым аспектом существования на этой планете никогда не считалась. Все чаще он стал бывать у ближайшей к своему постоянному месту жительства школе и искать глазами, покуривая в кустах по ту сторону ограды, золотоволосых старшеклассниц. Дважды его гнали охранники, небезосновательно заподозрив в мутном типе с «Примой» в зубах нежелательный для учебного заведения элемент пейзажа.

Боясь усугубить отношения со школьной гвардией, Разбоев к школе больше не подходил и стал искать места, где заподозрить его в нездоровом влечении никто не мог. Поиск, выяснил для себя, что лучшими из таких являются остановки общественного транспорта. Там он и сидел, жадно хватая в объективы своих воспаленных глаз стройные юные ноги, упругие груди, ровные, еще не перекошенные авоськами спины, словом, всех тех, кто хотя бы отдаленно напоминал ему юную Маришу.

Состояние его улучшалось, похмелье уходило, как после стакана разбавленного спирта, и он отдавался в плен своим фантазиям. И не случалось еще ни разу, чтобы та, кого он выбирал, ему в этих фантазиях отказала. Она делала все, что он требовал, и всякий раз, закончив дело, он выбрасывал ее из своей памяти. Достаточно только выйти на остановку девяносто седьмого маршрута и сесть на лавочку. Перед глазами расстилался лесопарк, и на его фоне мимо Разбоева, дурно пахнущего и неприятного на вид, торопились девочки, которым едва исполнилось семнадцать...

За одной из таких он пошел следом. Было это в начале июля прошлого года. Он сам не понимал, как это случилось. Она выскочила из автобуса, перекинула через плечо сумочку и, цокнув у ограждения каблучками, пропустила мчащийся мимо «Мерседес». Подождала еще секунду и перебежала дорогу. Мельтешение ее стройных ножек взволновало Разбоева с такой силой, что он вскочил с лавочки и пошел следом.

Она шла, мягко отбрасывая в стороны руки, как делают нежнейшие из женщин или самые юные из них, и даже не пыталась посмотреть за спину. Впрочем, Разбоев, чувствующий, как учащается его пульс, мог этого просто не заметить. Она могла услышать сзади шаги, оглянуться и успокоиться. Какой резон страшиться доходяги, убежать от которого можно даже на каблучках? А можно и не убегать. Остановиться, смахнуть с ноги туфлю и врезать мерзавцу «шпилькой» по голове. Говорят, после подобного отпора скоромные желания насильников резко слабеют...

Он тогда еще не был уверен, что сможет догнать ее и завладеть ею. Он тогда просто шел и с пристрастностью физика вычислял процент рентабельности такого предприятия.

По правую и левую руки от тропинки – густые кусты. Надо догнать и ударить по голове, чтобы пресечь попытки неповиновения – он понимал, что схватить поперек туловища и занести жертву в кусты ему вряд ли удастся: он и в лучшие свои годы не обладал атлетическими данными. Теперь же сделать это ему будет просто невозможно. А потому – догнать и ударить. Жертва обмякнет, схватится за голову, и в этот момент ей можно будет нанести еще несколько ударов. Девичья конституция хрупкая... Даже закричать сил не будет... Останется схватить и утянуть в кусты... А там...

А там... Он уже видел, что там будет. Ему не нужна страсть. Черт с ней, этой страстью!.. Не до мести сейчас. Просто хоть раз за эти годы... Снова почувствовать, как это хорошо...

– Тебе что нужно, чмо?!

Разбоев опомнился и ужаснулся тому, что происходит.

Увлеченный желанием, он догнал девушку и схватил ее за руку. И теперь она, резко вырвав ее из цепкой хватки бродяги, смотрела на него совсем не Маришиными глазами. У той в зрачках всегда стояла истома. У этой пылает пожар. Она даже не испугалась.

– Тебе что нужно, чмо?! – повторила она и скользнула ладошкой в сумочку.

Он сглотнул слюну. Ему очень хотелось сказать: «Пойдем со мной», но вдруг поймал нюхом то, что доселе было ему недоступно – свой запах. Он был столь отталкивающим, что Разбоев снова сглотнул и посмотрел на ноги девушки. Ноги! Они были по-прежнему манящими... Сама она не пойдет, в ней много гнева и неприязни. Значит, нужно бить... Следующей ночи наедине с самим собой Разбоев уже просто не выдержит. Ему нужна рядом слабая душа,

способная исполнить все его прихоти. А таких у него накопилось столь много, что для их реализации не хватит всех семнадцатилетних Мариш, гуляющих по Москве.

И в этот момент он почувствовал, как в глаза врывается жар, а в ноздри – удушающий, разрывающий их до самого затылка ядовитый газ! Какая боль!.. Светлый образ мгновенно улетучился из его головы, и первой мыслью, занявшей освободившееся место, была мысль о воде.

Следующим очагом возникновения нестерпимой боли была вспышка как раз в том месте, которое... Носок туфли на шпильке, врезавшись в пах Разбоева, вырвал из его легких утробный вой.

– Я сейчас еще пацанов позову, они тебе быстро мозги вправят!..

И среди пожара, пылающего перед глазами, послышалась частая дробь удаляющихся шагов.

Ждать обещанных пацанов-нейрохирургов Разбоев не стал. Стараясь не кричать от разрывающей его душу ненависти, он продирался вслепую сквозь кусты, чтобы удалиться от злополучного места, и вскоре набрел на коммерческий киоск. Женщина средних лет, торгующая в нем сигаретами, сжалилась и подала ему в окошко бутылку воды. Разбоев промыл глаза и впервые проявил себя как мудрый практик, получающий результат после произведенного опыта. Оказывается, глаза, пораженные перечным газом, водой промывать нельзя. Но чтобы понять это, их нужно промыть. Стараясь не попадать более на глаза продавщице, Разбоев пошел вдоль киоска.

Сегодня он сделал еще один вывод, закрепленный практикой. Не нужно душещипательных бесед и попыток понравиться. Если хочешь удовлетворения, нужно бить. Бить до тех пор, пока жертва не потеряет способность сопротивляться. И уже после, не опасаясь ни пацанов, ни случайных прохожих, достигнуть того, к чему так страстно стремился.

Теоретик Разбоев стал постепенно трансформироваться в неплохого практика. Случилось это второго июля, и до первого убийства оставалось ровно две недели.

А ту февральскую ночь он помнил плохо.

Был слишком пьян для того, чтобы оглядываться по сторонам, избегая встреч с соседями, и болен для того, чтобы обращать на это внимание, даже будучи трезвым. С трудом нашарив в карманах ключ от входной двери, он стоял, упершись в косяк лбом, и вполголоса ругался. Из пальцев, липких и скользких, ключ постоянно выскальзывал, новое движение причиняло ему нестерпимую боль, и он никак не мог понять причину ее происхождения.

Наконец, после пятой или шестой попытки, ключ попал в руку и переместился к замку. Он клацнул, дверь подалась и впустила внутрь.

Раздумывая, захлопнуть ее или оставить как есть, Разбоев собрал воедино остатки разума и лягнул створку ногой. Раздался глухой стук, его окружила темнота, и он рухнул на пол.

Через полчаса он пришел в себя. Причиной тому было не протрезвление, а жажда и тяжесть в затекшей руке. Застонав, он приподнялся и сел на пол. Теперь находиться в темноте было более привычно, чем когда он вошел, и уже без труда он мог определить, где заканчивается коридор и начинается комната. Та комната, где он впервые в жизни испытал с Маришей нечто похожее на транс.

Странно, но постоянная жажда обладания женским телом почему-то не появлялась. Это было удивительно, потому что это было первое, что завладевало всеми его органами, едва Разбоев приходил в себя или, будучи трезвым, на мгновение расслаблялся. Преодолев коридор, он вошел в комнату и сел на грязный, залоснившийся за три года диван. Ну... Где она, Мариша? Или иная, на нее похожая... Он готов.

Но она не пришла. Да ему и не хотелось. Ему не хотелось – мыслимое ли дело?!

Он стал вспоминать. Не может быть... При третьей или четвертой попытке проникновения в собственную память, он четко вспомнил два момента.

Момент первый. Он выпивал. Впрочем, это было даже не воспоминание, а догадка. Раз рубашка в крови да болит...

Кстати – подумал он – что у него болит?

И только сейчас увидел свои руки. Они, разодранные в кровь, выглядели, как клешни космического чудовища. На них явственно проглядывались следы, напоминающие раны от ногтей, и кожа с мест разрезов отсутствовала. Словно кто-то почистил ему руки ножом-«экономкой», коим заботливые хозяйки снимают с картофеля кожуру. Хозяйки... Женщины, получается.

И в этот момент его мозг пронзила молния, вырвавшаяся из глубины памяти. Пронеслась над головой, осветила на мгновение странную картину, и потом снова наступила тьма.

Но для того, чтобы запечатлеть ту картину в своем сознании, этого мгновения Разбоеву оказалось достаточным. Достаточным, чтобы запомнить, достаточным и для того, чтобы оценить. И он в изнеможении повалился на диван спиной, стараясь пережить то мгновение снова и снова.

Он видел широко распахнутый женский рот с тонкой и блестящей, как паутинка, ниточкой слюны. Он помнил женский крик, вырывающийся из него и раздающийся под ним, Разбоевым. И то ощущение полета, расслабившее все его тело.

Не может быть... Это была Мариша или кто-то, кто так мучительно для него похож на нее?

И через несколько минут созерцания этой фотовспышки памяти кто-то позвонил в его дверь. Он решил не вставать, но позвонили еще. Потом еще и еще.

Разбоев поднял свое тело с дивана и побрел в прихожую. Уперся одной рукой в косяк, а второй отвернул в сторону язычок старого английского замка.

И в лицо ему ударила целая стена света.

– Разбоев Борис Андронович. Это вы?

– Да ты смотри... это алкаш! – вторил ему другой голос.

Его взяли за шиворот и завели в собственную квартиру. Бросили на диван, как куклу, и осмотрели со всех сторон.

А он лежал и глупо морщился, стараясь сосчитать тех, кто располагался вокруг. Кажется, двое в синем, в форме. Кажется, двое в штатском... А эти двое, получается, с ними.

– Смотри, на нем кровушки, как из ведра, – сказал кто-то из них, шестерых. – Звони.

И тот, к кому это относилось, позвонил.

– Мы его взяли, – сказал и захлопнул крышку мобильного телефона. – Сука.

К кому относилось это, Разбоев не понял.

Глава четвертая

Пересыльная тюрьма «Красная Пресня» – приют для тех, кто начинает свое долгое плавание по океану криминальной жизни под полным контролем государства.

Разбоев не сразу понял, почему его поместили не в душную восьмиместную камеру, заполненную двадцатью арестантами (о таком распределении жилой площади в тюрьмах ему не раз рассказывал опытный в таких делах Гейс), а в темную одиночку. Чем он, спрашивается, лучше или хуже остальных, помещенных сюда государством?

Он так и спросил об этом надзирателя, который привел «баландера»² с кастрюлей на каталке:

– Уважаемый, почему меня в общую камеру не завезли?

Разбоев сказал «завезли», потому что из уст развязного Гейса, на обеих руках которого синели безобразные татуировки, слышал, что в тюрьму не «салятся», а «заезжают».

Тот внимательно посмотрел на Разбоева сквозь крошечное оконце «робота»³ и бросил:

– Моя бы воля, сука, я бы тебя не сюда, а сразу в лес завез.

И перед носом бывшего научного сотрудника с грохотом захлопнулась створка.

Осторожно уместив тарелку с постным супом на крошечный столик, он посмотрел на залитые едой руки и сполз спиной по шершавой стене.

На следующий день ответ на вопрос, почему – сюда, а не в общую камеру, он нашел у старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Вагайцева, который сообщил Разбоеву, что общаться они теперь будут ежедневно, и даже по несколько раз.

– Такие, как вы, Разбоев, – сказал Александр Викторович, – опасны для общества. А мы призваны это общество охранять. К сожалению, вы – тоже часть нашего общества. А потому мы сделаем все возможное, чтобы уберечь вас от смерти. Видите ли, за отсутствием у вас преступного опыта, я вынужден разъяснить вам вполне банальную истину. Окажись вы в общей камере, мне бы уже никогда не добиться от вас признательных показаний.

– Вы думаете, что меня подучат более опытные ээки? – воскликнул Разбоев. – Но вам нечего бояться! Как бывший ученый, я могу вам с уверенностью сказать, что нельзя подучить в том, о чем человек не имеет представления!

Вагайцев тогда сделал внушительную паузу и с саркастически-грустным выражением лица признался в том, что он и не ожидал простых с Разбоевым взаимоотношений. Сказал, что на скорое признание он и не надеялся. Скорее, никогда не ожидал услышать его.

– Что же касается боязни, то мне действительно, – заметил он, – бояться нечего. А вот вас, Борис Андронович, убьют, даже не дожидаясь ночи.

Дни летели стрелой, когда Разбоева вывозили в город на автозаке на проводки и следственные эксперименты, и тянулись, как улитка по виноградному листу, когда он был вынужден оставаться в камере наедине с самим собой. Документы множились, подшивались, в комнате для допросов, где следователь Вагайцев допрашивал бывшего научного работника, выкуривалось бесчисленное количество сигарет, и тяжелый дух табачного дыма бродил по плохо вентилируемым коридорам «Красной Пресни».

«Красная Пресня» – пересыльная тюрьма, и в ней, чего не случается в тюрьме обычной, можно встретить и только что задержанного сотрудниками милиции вокзального вора, и убывающего транзитом в Магаданский край «большесрочника». Здесь «полосатые»⁴ ходят

---

² Разносчик пищи.

³ Дверь в камеру.

⁴ Осужденные к отбыванию наказания в колонии особого режима.

по одним коридорам со взяточниками, и каждый знает, что этот дом для них – всего лишь гостиница.

Летели дни, тянулись недели, проходили месяцы, и грозил закончиться уже год пребывания Разбоева под следствием. Все для него уже было ясно и понятно, и он руководствовался отныне не собственными мыслями, а советом старшего следователя Вагайцева «не заниматься глупостями, а говорить правду и быть откровенным». Подозреваемый признал себя виновным, указал на места убийств, способ причинения смерти, однако будет ли в суде иметь значение заявление Разбоева о том, что «я увидел ее, захотел вступить с ней в половую связь, ударил по голове, затащил в кусты, изнасиловал, а после убил», если клиника Сербского официально признала факт того, что психика Разбоева устойчива и регрессивным течением не подвластна?

На суде он скажет: я не убивал. И суд начнет искать в деле доказательства обратного. Будет искать, обязательно будет! – потому что государству нужно срочно закрыть тему с шестью уничтоженными человеческими жизнями. И это даже лучше, что торопливый Вагайцев – а он куда-то последний месяц торопился, наверное, поджимали сроки – гнал следствие по прямой, не понимая, что заводит его в тупик. Очень хорошо, что шесть трупов, а не, скажем, два.

Что такое две человеческие жизни? На фоне происходящих в стране «демократических» преобразований – пустяк, да и только. Всегда можно отойти от большой темы серийности, то есть длительной безнаказанности. И совсем другое – когда задержанному предъявляют шесть девичьих тел, истерзанных и униженных. Картина прямо-таки чудовищна. Пожары, взрывы, падающие самолеты, заложники – и посреди всего этого «великолепия» – маньяки, уворачивающиеся от валяющихся с неба обломков фюзеляжей, прикуривающие окурки от пепелищ и гуляющие по стране, словно тени. Хороша страна!

И два трупа – это не шесть. Из-за двух трупов не станут проводить пресс-конференции, интервью и обращать на судебный процесс такое внимание, как на процесс, в котором фигурирует большой для общества вопрос – опять груды трупов посреди этого поля, которое кое-чем самоуверенно именуется правовым.

Когда ему били в МУРе по почкам, опера поговаривали о том, что в том же Измайловском парке, неподалеку от аллеи Большого Круга, в ста метрах от Круглого пруда, была изнасилована и убита еще одна девушка. И убита она была в ту же ночь, когда задержали Разбоева! Но она была задушена, и состояние ее трупа прямо указывало на то, что с ней поступили еще хуже, чем с теми шестью. Однако почему-то по этому поводу громкоговорители телевизионных каналов не кричат! Если верить муровцам, то преступление обозначилось всего лишь коротким упоминанием в теленовостях.

В ту же ночь убили еще одну женщину в Центральном округе – это опять-таки поведали опера в перекурах после бесед с Разбоевым. И иностранные наблюдатели снова не смотрят в сторону этого бездыханного тела. Всех интересовало тогда и интересуется сейчас, что станет с делом Разбоева. Чем закончатся эти восемнадцать месяцев кропотливой работы Генеральной прокуратуры.

А что следователь имеет помимо признаний Разбоева? Ничего. Ни свидетелей, могущих указать на убийцу пальцем, ни изъятых с места преступлений образцов, прямо указывающих на то, что убийства совершал бывший научный сотрудник. Торопился куда-то Александр Викторович, ох, торопился... А разве нужно было другое Разбоеву?

Одна ошибка, потом еще одна его ошибка, и еще раз ошибка. И вот уже суд начинает терзаться сомнением, что в зверствах виновен именно Разбоев. Душа – та, как обычно, – да, верит! Но без прямых доказательств на одних душевных порывах, как в прежние времена, не уедешь. Когда за каждым поворотом головы председательствующего следят сотни глаз... А Разбоев на суде скажет – я не убивал! Суд начнет доказывать обратное и придет к тому, что Разбоев прав. Убийца шести девушек – не он.

А разве не этого хочет Борис Андронович Разбоев? Так что лучше уж шесть трупов, а не два. И странно это теперь уже не звучит.

Вагайцев сам загнал себя в угол. Под конец следствия, особенно в последние дни, он терял окончания собственных мыслей, не выстраивал логические ряды, терял причинно-следственную связь. Чувствовалось, что он хотел побыстрее столкнуть дело со своего стола на стол Генерального прокурора, чтобы тот столкнул его в суд. Старшему следователю по особо важным делам, к коим и относилось дело Разбоева, осталась самая малость. Официально предъявить Разбоеву обвинительное заключение.

«Вряд ли его осенит в последний момент и он пересмотрит свое отношение к собственному десятимесячному труду», – думал в тишине ночи Разбоев и готовился уже не к последнему следственному действию, а к судебному процессу.

Адвокат его, хрустящий лох в очках, пахнущий дорогим одеколоном и всячески угоджающий любому слову Разбоева, – типичный представитель класса падальщиков. На суде он завернет речь длиною в милю, вспомнит Кони, Плевако, других великих русских юристов, процитирует их крылатые выражения, после чего обвинит Генеральную прокуратуру в предвзятости, скажет: «Я кончил», облегченно вздохнет и сядет на место.

Разбоев всякий раз, видя его, делал восхищенные глаза («Как я рад, что именно вы, а не кто другой...»), подыгрывал, слушал заверения в том, что «пожизненное мы ломаем, а пятнадцать лет – не срок», или – «мы будем выходить с кассацией на Суд Верховный», и в глубине души его выворачивало. Надежды на этого адвоката, который в деле не увидел абсолютной невинности Разбоева в убийстве шести девушек, – никакой. Он из команды тех, кто пытается втереть тальк в объективы. Поглощенный жаждой собственной славы, которая, по его мнению, крылась в устранении из дела трех трупов из шести (с тремя пожизненного, возможно, и не дадут), он совершенно не обращал внимания на то, что Разбоев не убивал и одной из них.

И Разбоев дождался того дня, когда замок на камере прогрохотал, как гром из поднебесья, дверь со скрипом распахнулась и знакомый «дубак», который старел в «Пресне» вместе с научным сотрудником, бросил:

– Разбоев, на выход.

Да, это тот самый момент. Дальше тянуть дело Вагайцев уже не мог. В каждом его движении в последние дни читалась спешка и раздражение. Сегодня он ознакомит Разбоева с материалами дела и тот из подозреваемого превратится в обвиняемого. Фактически разницы никакой. Как сидел Борис Андронович, так и будет сидеть. Юридический же смысл в это следственное действие заложен гораздо более значимый, чем может показаться на первый взгляд тому, кто обвиняемым никогда не был. После того, как Разбоев ознакомится с обвинительным заключением, Вагайцев уже не в силах будет исправить своей ошибки. Он, то есть Генеральная прокуратура, обвинила совершенно невинного человека в совершении ряда тяжких преступлений.

Где объективы? Интервьюируемый готов.

И непонятное чувство заползло внутрь Разбоева, когда он, розовея от предчувствия неприятного, но выгодного момента в своей жизни, вошел в кабинет для допросов.

На табурете, чуть развалившись и держа в вытянутой руке, уложенной на стол, сигарету, сидел совершенно незнакомый ему человек.

«А где Александр Викторович?» – едва не сорвалось с губ Разбоева. Остановить фразу он смог, а вот стереть с лица изумление – нет. Вероятно, заглушенная фраза трансформировалась в другое свое качество и выползла наружу, потому как человек с тяжелым и глубоким взглядом, едва Разбоев увел взгляд в пол, тут же спросил:

– А разве для вас есть разница, кто предъявит вам обвинение?

Разбоев медленно прошел, получил разрешение сесть и, осторожно вытянув из пачки, лежащей на столе, предложенную сигарету, сказал:

– Для меня нет разницы, кто это сделает. – И всем своим поведением он стал являть собой образец равнодушия и спокойствия.

Прикурил у следователя и, усаживаясь, попытался подтянуть к столу табурет. И, не добившись своего, уселся там, где тот стоял. Кряжин мгновенно оценил этот поступок и снова перевел взгляд на лицо Разбоева.

Тот курил и пытался угадать, как начнется новый разговор с новым человеком. Курил, держа сигарету огоньком в руку, стараясь при каждой затяжке морщиться, чтобы пронизательный мужчина напротив более мыслей и чувств его не читал.

Наверное, думалось Разбоеву, мужчина этот, судя по фамилии, из небогатого, но старинного рода. Фамилия следователя полностью соответствовала внешнему виду: высокий, крепкий, с сильной шеей, мощными руками и ногами, но в то же время не имеющий характерных признаков амбалов – портовых грузчиков. Чувствовалась в его очевидной силе некая изящность, заставляющая думать о нем не просто как о Большом Человеке, но и как о человеке, ценящем в себе не столь физическую статью, сколь силу разума. Именно последнее, легко прочтенное и оцененное Разбоевым, теперь не давало ему покоя и выбивало из прежнего ритма ведомой им игры.

Между тем огонек сигареты приблизился к фильтру, и пора было о чем-то говорить. А в кабинете по-прежнему висело молчание, изредка прерываемое шелестом засаленной куртки Разбоева. Он носил сигарету от коленей к губам и обратно, в глубине коридоров громыхали замки камер и слышались окрики сотрудников администрации. И это было все, что виделось и слышалось в кабинете для допросов.

Сигарета смята в почерневшей, наверное, от горя, банке из-под кофе, исполняющей роль пепельницы, а молчание в кабинете все не прерывалось. Разбоев кашлянул и посмотрел на носки своих ботинок. За месяцы пребывания в тюрьме – своеобразного «кодирования» – он стал выглядеть лучше, чем выглядел до заточения. Припухлости от запоев и болезненная краснота с лица исчезли, вместо них появилась свойственная всем арестантам бледность, но это было лучше его обычного вида в период между научной деятельностью и тюрьмой.

– До свидания, Борис Андронович.

Если есть выражение – «пронзило молнией», то наиболее ярко это проявилось в состоянии души Разбоева сразу после того, как прозвучало последнее слово этой невероятной фразы, произнесенное следователем. Молния или что-то другое, похожее на нее, сверкнуло в голове подозреваемого, заставило его оцепенеть и покрыться розоватыми пятнами.

– А... зачем вы приходили? – понимая, что из-за пересохших связок голос его скрипуч и невнятен, Разбоев кашлянул и повторил вопрос.

Вместо ответа советник сгреб со стола папку и нажал на кнопку вызова надзирателя. И продолжал сидеть, только взгляд его теперь не был столь пронзителен. Разбоев с трудом посмотрел ему в глаза и увидел легкость и даже удовольствие.

Он передвигался по коридору тюрьмы, слушал поступь надзирателя, вторящую его шагам, и понимал, что в жизни его происходят события, дать объяснения которым он более не в силах.

Оставшись в камере один, он почувствовал тревогу. И она уже не была сродни волнению, посетившему его впервые, когда он увидел перед собой не Вагайцева. Это был хорошо различимый страх за свою будущность.

Этот человек не обмолвился с ним ни словом, если не считать нелепого вопроса при первом знакомстве. Но – и в это очень не хочется верить! – он прочитал его, как домысливают содержание внезапно обнаруженной удаленной из романа страницы.

Что нужно Кряжину? Почему бы ему не набросать повесть под названием «обвинительное заключение» и не дать почитать ее Разбоеву? Разбоев согласен на любое ее послесловие. Лишь бы она была написана. Генеральная прокуратура – лидер продаж среди авторов по этой

тематике, бестселлерами ее авторов заполнены страницы газет и романов лучших печатных изданий мира. Неужели Кряжин из тех, кому мировой славы мало? Его мастерство достигло той высоты, что теперь он может позволить себе писать не под диктовку конъюнктуры рынка, а от души, будучи уверенным, что это все равно будет востребовано?

Самое неприятное, что подобные сочинения основаны на реальных событиях, и их авторам не нужно разрешение тех, кого они используют в своих произведениях в качестве главных героев. Пользуясь таким правом, авторы частенько шельмуют, дополняя своими фантазиями наиболее непонятные для читателя эпизоды. Однако этот молчун, по-видимому, не из тех, кто привык разрисовывать красками своих примитивных домыслов зияющие в произведениях пустоты.

И это самое неприятное в мыслях Разбоева, который сейчас лежал на нарах и смотрел на «шубу»⁵ серого потолка ярко освещенной комнаты.

– Я плохо понимаю, что происходит, – сказал Кряжин и растер лицо руками.

– Что ты собрался понимать? – Смагин, на прием к которому напросился советник сразу по прибытии из тюрьмы, ощущал неуютное чувство. Еще две недели назад Генеральному были доложены результаты работы Вагайцева, и он, кажется, признал их достойными. Передача уголовного дела в суд означала, что следствие закончено, преступник обнаружен, задержан, дал признательные показания и теперь готов предстать перед судом, которого с нетерпением ожидают не только в стране, но и, следует догадываться, за ее пределами.

Почему Кряжину что-то непонятно, если Вагайцеву, например, понятно все? Настолько, что он еще две недели назад предъявил бы Разбоеву обвинительное заключение, если бы не улетел в Гагры. И теперь кажется, что было бы лучше, если бы на юг он убыл чуть позже.

– Он растерялся, увидев меня, а не Вагайцева.

– Я бы на его месте тоже удивился, – резко возразил начальник Следственного управления, – если бы вызвал в кабинет Вагайцева, а пришел Кряжин.

– Настолько, что стали бы искать по карманам слуховой аппарат, забыв, что его никогда у вас не было?

– Не понял?..

– Вот видите, – Кряжин шумно выдохнул, посмотрев на напольные часы с бронзовым рыцарем на них – подарок госсоветнику к сорокапятилетию, и почесал пальцем переносицу. – Теперь и вы не понимаете.

Не выдержав, он выбрался из-за стола, подошел, стал пытаться повернуть голову рыцаря в сторону – настолько явственно проглядывалась резьба на его шее.

– Отойди от тевтонца! Любомиров, Ульников, сейчас еще один!.. Вам что, не терпится ему башку свинтить?! Да литая она! – он успокоился. – Что я, по-твоему, не понимаю? Что Разбоев удивился, увидев тебя вместо Вагайцева? Я это еще как понимаю. Десять месяцев общаться с одним следователем, а потом увидеть другого.

– Увидев меня, он стал пытаться придвинуть к столу табурет, забыв о том, что единственным не прикрученным к полу предметом в тюремном кабинете для допросов является лишь авторучка следователя. – Вытянув из кармана сигарету, он вопросительно посмотрел на Смагина и чиркнул колесиком «Зиппо». – Это как если бы он после трехсотого по счету обеда в камере «Красной Пресни» ни с того ни с сего стал бы озирается в поисках салфетки. Это не удивление, Егор Викторович. Это растерянность. А с чего бы ему теряться, увидев другого следователя, если он уже взял на себя шесть трупов? Вот если бы не взял, его бы оправдывали, а после прибыл другой человек, тогда другое дело. Вот тут и мою растерянность можно было бы оправдать на его месте, и вашу.

---

⁵ Шершавое бетонное покрытие стен и потолка камеры.

– И это все, что тебя тревожит? – умилился или просто хотел, чтобы так выглядело, Смагин. – Это все, что ты можешь поставить супротив пятнадцати томов Вагайцева? Я уже вижу картину: суд оправдывает Разбоева после того, как «важняк» Кряжин свидетельствует об эпизоде с табуретом.

Не успев вдоволь насладиться собственной иронией, Смагин вдруг проследил цепь своих умственных заключений и осекся.

– Ты что же?.. Ты хочешь заставить меня и Генерального поверить в то, что Разбоев невиновен? – Чтобы невероятное выглядело еще более очевидно, он не поленился повторить: – Невиновен?

Не в привычках Кряжина было давать ответы так же стремительно, как задавались вопросы. А потому он, еще раз посмотрев на рыцаря, лишь облизнул пересохшие от беспрестанного курения губы.

– У него точно голова не отвинчивается?

– Иди проверь! – не выдержал Смагин.

Советник встал и теперь без опаски подошел к часам. Подумал, потом решительно взялся за плечи и голову литой фигурки и резко повернул в сторону.

– Не может быть... – пробормотал начальник Следственного управления. – Сроду бы не подумал.

Советник подошел к Смагину и толкнул к нему по столешнице маленькую, но тяжелую бронзовую голову. Покатившись, она простучала по лаковой поверхности, уткнулась в рукав синего кителя госсоветника и уставилась в небо пустыми глазницами.

– Так как? – пробормотал Кряжин. – Я о «не может быть».

– Неделя. Все!

– Три.

– Что?! – вспыхнул начальник управления. И тут же: – Две. Словом, нельзя никак больше тянуть. Так что ровно две недели, Иван Дмитриевич. И через три недели выходит Вагайцев, так какой смысл? – Подумал, добавил уже тихо: – Никаких следственно-оперативных групп. Если будешь использовать МУР, то только на основании личного обаяния.

– Я понял, – забирая зажигалку, буркнул Кряжин.

Выжидая, пока добившийся своего Кряжин соберет со стола вещи, Смагин поднял со стола очки, рассмотрел их, словно видел впервые, и снова уложил на ежедневник.

– Сплоховал, думаешь, Вагайцев?

Кряжин встал и задвинул стул под стол.

– Спасибо за понимание.

Тот словно не слышал советника.

– А почему сплоховал, думаешь? – настойчиво поинтересовался Смагин, когда Кряжин уже успел отойти к самой двери.

– Для лошадей и влюбленных, Егор Викторович, сено пахнет по-разному.

Глава пятая

Оперативнику МУРа Сидельникову, капитану одной из самых, как принято считать, талантливых сыскных организаций страны (чтобы не сказать – мира), прибыть по звонку Кряжина сразу возможным не представилось. После их совместной работы в составе следственно-оперативной группы по делу об убийстве губернатора Мининской области между советником и сыщиком зародилось нечто большее, чем просто служебные отношения. Стать друзьями они не могли априори – старая привычка Кряжина не заводить друзей, дабы те потом не смогли предать, не позволила отношениям перерасти в настоящую мужскую дружбу, но уже одно то, что Кряжин называл Сидельникова Игорем, а тот именовал советника Дмитриевичем, для окружающих говорило о многом. На Большой Дмитровке и Петровке, где люди относятся друг к другу с подозрением, все больше необоснованным, где фамилия Кряжин известна более, чем фамилии других «важняков», знали: если известные им люди входят в ту стадию отношений с советником, когда разговоры заходят не только о служебном долге, но и о футболе и вяленой рыбе, значит, этим известным людям теперь нужно обдумывать каждый свой шаг. Подружиться с Кряжиным очень трудно. Потерять доверие, проколовшись на пустяке, – пара минут.

А потому Сидельников, остановленный дежурным на самом выходе из здания на Петровке, тут же вынул из кармана трубку и набрал номер Кряжина. Он объяснил советнику ситуацию и сообщил, что приедет не сейчас, а через минут сорок. Максимум – через час. Можно было и не звонить, ибо Кряжин не дурак, и ему хорошо известно, что если опер опаздывает, то это по причине занятости, а не наплевательского к нему отношения, тем паче – дело носит приватный характер и звонок следователя выглядел не как распоряжение, а как просьба.

– Да что случилось-то? – с досадой буркнул капитан, следуя за дежурным в помещение.

– Сейчас увидишь, – пообещал майор, и по голосу его следовало догадаться, что он через минуту покажет не то списки членов Аль-Каиды, не то план мероприятий всех ОПГ Москвы на завтрашний день. – Полюбуйся!

И майор-дежурный ткнул пальцем на крошечного, ростом не более ста пятидесяти сантиметров, толстяка в очках, смущенно сжимающего в руках норковую шапку. На носу толстяка, точнее, на самом его кончике висели очки, из-под распахнутых отворотов пуховика виднелся серый свитер с какими-то кельтскими узорами на воротнике, жидкие рыжеватые волосы были всклокочены и торчали во все стороны света. Но самым примечательным были его глаза, блистающие над свисающими очками. Огромные, голубые, узко посаженные, с горящими посреди них черными угольками больших зрачков, они были похожи на кошачьи. Толстяк смотрел вправо, влево, на Сидельникова, на дежурного. Так обычно смотрит кошка, не понимая, что ей ждать от окружающих – хорошего пинка под хвост или пригоршню «вискас» в миску. Хотя сам человечек Сидельникову был незнаком, видок его был столь впечатлителен, что он даже расслабился и чуть улыбнулся.

– И теперь посмотри, что у этой киски было в портфеле, – довольный легким потрясением капитана, злорадно произнес майор. – Патруль совершенно случайно задержал его у «Театральной».

Портфель перевернулся (в десятый, наверное, раз) над столом дежурного, и на покрытие стеклом столешницу разноцветным листопадом посыпались фотографии.

– Вы меня не так поняли, – стараясь успеть вперед, чем Сидельников возьмет первую из них в руки, произнес (в десятый, наверное, раз) толстячок. – Это не то, что вы думаете. И вы знаете, я ужасно спешу.

Когда он говорил, капитан машинально отметил про себя, что, должно быть, этот человек не выговаривает «р», просто ему еще ни разу не удалось это продемонстрировать. Желая проверить свою догадку, Сидельников чуть подумал и спросил:

– Как ваше имя?

– Меня зовут Шустиным Степаном Матвеевичем, – немного жалобно произнес толстячок, не давая муровцу никаких шансов провести оперативный эксперимент.

– А проживаете где? Зарегистрированы где?

– Моховая, пять, – ответил тот на первый вопрос и не задержался с ответом на второй: – Чечулина, двенадцать.

Сидельников почувствовал легкий дискомфорт.

– Чечулина, двенадцать... Весь дом ваш? – прямо наталкивая задержанного произнести слово «кваРтиРа», поинтересовался сыщик.

– А! – толстяк ударил себя ладонью в лоб так, что Сидельникову на мгновение захотелось поискать на полу то, что из нее вылетело. – В одиннадцатой! Извините.

– Посмотри сюда, – настоял майор, пытаясь подтянуть Сидельникова к столу за рукав.

– Подожди! – отмахнулся тот. – Вы что, Шустин, извиняетесь? Не можете сказать просто: «Простите»?

– А «извините» – это не синоним этого слова?

Сидельникова перестало интересовать все вокруг, кроме одного: произнесет ли толстяк букву «р». Не могло того быть, чтобы он разговаривал на русском языке без ее употребления.

– Вы кто по профессии, Шустин? – закурив, Сидельников сел на стол и пустил в потолок облачко дыма.

– Я готовлю статьи для выступления по телевидению, – развел руками тот, как бы объясняя факт нахождения у него такого количества подозрительных фотографий.

Сидельников подумал.

– Репортер, что ли?

– Да.

И капитан окончательно потерял покой. Теперь получалось, что, когда толстяку нужно было произносить нежелательные для него буквы, он заставлял это делать окружающих. Сыщик вытянул из горки одно фото и перевернул лицом к себе. В принципе, он уже понял, что криминал место имеет – с тех, что сыпались, легко снималась зрительная информация: снег, кровь, женские тела, заляпанные бордовым крапом одежды...

Кадр, остановленный на том фото, что держал в руке Сидельников, свидетельствовал: убита красивая девушка лет девятнадцати на вид. Капитан быстро отнял от девятнадцати дватри, и получилось, что на самом деле жертве шестнадцать-семнадцать лет. Привычка определять возраст трупа, выработанная годами. Ошибиться капитан не мог. На снимке изображена одна из шести девушек, убитых московским потрошителем Разбоевым в прошлом году. Сидельников принимал участие в раскрытии четырех из шести убийств, однако в конце прошлого года был снят с дела и направлен на розыск банды, организующей разбойные нападения на дальнобойщиков на трассе А101. Информацией по делу потрошителя он владел полностью, точно так же, как и информацией о том, что тот задержан и находится в «Красной Пресне» за Генеральной прокуратурой.

Суд над Разбоевым еще не состоялся, а потому толстяк с портфелем, набитым любительскими фотографиями, не вызвать у капитана интереса не мог.

– Откуда это у вас?

– Видите ли, – сжимая перед собой шапку, начал сначала задержанный, – я занимаюсь этим делом московского маньяка с минувшего года, поскольку именно на меня седьмым каналом телевидения, где я состою на службе, возложена обязанность осуществить независимое следствие...

– Может быть – расследование? – окончательно потерял покой Сидельников.

– Пусть так, – согласился толстячок. – Хотя мне более по душе слово «следствие».

– Быть может – по нраву?

– А это не одно и то же? – удивился толстяк.

– А почему вы не спросите – «какая разница»? – вынув из кармана платок, Сидельников промокнул лоб.

– Вас что больше занимает: моя лексика или мотив нахождения у меня снимков? – невозмутимо справился толстяк.

Муровец заставил себя успокоиться и сказал, что... конечно, и то, и другое.

– Игорь, может, я сам разберусь, – сочувственно обратился к нему майор-дежурный, – а уж после тебя кликну?

– Ничего, все в порядке, – пробормотал Сидельников. – Продолжайте, пожалуйста...

– Так вот, – снова настроился на откровения репортер седьмого канала. – То, что содеявший эти жуткие деяния человек находится в заключении, вызывает у публики двойное к нему отношение. С одного боку получается, что он виновен и должен ответить за свои злодеяния, с (о, как Сидельников ждал этого слова – «другого»!) иного видится некая тень, не позволяющая судить об этих явлениях однозначно. Нам доподлинно известно, что никаких доказательств у следствия, как то: свидетели, показания выскользнувших из цепких лап убийцы девушек и иных фактов – нет. Оно понятно. Высшим деятелям не хочется, чтобы следствие затянулось на долгие годы. И, как положено в таких случаях намекать, обществу необходимо видеть лицо, готовое взять на себя всю ответственность за содеянное. И у нас на седьмом канале бытует мнение о том, что вина находящегося в СИЗО человека доказана неполностью. Между тем близится суд, а для общественности еще не освещены доказательства того, что именно он осуществил столь чудовищные, непонятные уму человеческому поступки. И боссами нашего канала на меня возложена обязанность найти доказательства, позволяющие... – Он подумал и продолжал: – Позволяющие убежденно заявить о виновности обвиняемого. Что же касается фото, я сделал их в тот день, когда была убита пятая по счету девушка. В этой куче есть снимки тела и шестой юной особы. И все они были сделаны незаметно для следователя в тот момент, когда он изучал местность и беседовал с жителями соседних домов.

Сидельников, когда дежурный спросил репортера: «И как долго вы ведете свое следствие?», окончательно впал в ступор. И он просто рассвирепел, когда услышал ответ: «С того момента, когда была убита пятая по счету девушка».

– Послушайте, вы!.. – последним усилием воли заставив себя преградить путь надвигающемуся цунами, он соскочил со стола и отвернулся, чтобы не видеть этих огромных, откровенных кошачьих глаз. Уперши обе руки в край стола дежурного, на котором возвышалась горка снимков, он просчитал до десяти и развернулся к майору. – Удостоверить на телекомпании личность, отобрать объяснение, изъять снимки и вытолкать в шею. Сегодня я сообщу об этом начальнику, а тот напишет в Генеральную прокуратуру письмо с просьбой внести на седьмой канал представление за вмешательство в расследование по уголовному делу.

– А никакого вмешательства не было, – добродушно возмутился Шустин. – Не существует закона, не позволяющего никому, помимо следователя, делать съемку местности и лежащих на ней тел жителей Москвы.

И тут капитана осенило.

– Значит так, Лаврушин. Этого карьериста – в камеру. К обеду я составлю на него административный материал за мелкое хулиганство, и к вечеру он уже будет сгребать снег во внутреннем дворе изолятора временного содержания.

– Не имеете пг'ава! – вскричал толстячок. – Я буду жаловаться в пг'окуг'атуг'у!

– Ага! – восхищенно воскликнул Сидельников и выбросил указательный палец в сторону Шустина. – Он картавит.

– Как вам не стыдно! – обиженно вскричал репортер и еще сильнее стиснул шапку. – Да, я имею дефект г’ечи, однако это не повод насмеяться надо мною! Вы пг’осто не пг’едставляете, сколько лет я учился г’азговаг’ивать без этой буквы пег’ед камег’ой!..

Поняв, что выглядит сейчас в глазах всех присутствующих не самым лучшим образом, а объяснять истинную причину случившегося казуса нет времени, Сидельников почувствовал себя неуютно и, сославшись на дела, миролюбиво похлопал толстячка по плечу.

Сидельников, вырвавшись на улицу, заторопился на Большую Дмитровку, а Шустин, возмущенный разоблачением и чувствующий себя оскорбленным, претерпел все выходки помощника, выпотрошившего его портфель, словно рыбу, дал скудные показания и вышел на Петровку спустя час после ухода капитана.

Сел в трехдверную «Тойоту», именуемую его сослуживцами «стиральной машиной», и двинулся обратно. Куда обратно и откуда он ехал, легко объяснялось последними событиями. В четырнадцать часов Шустин должен был встречаться с человеком, назначившим ему встречу у пустыря за Измайловским жилмассивом. И этот человек, знакомый репортеру лишь по телефонному звонку, состоявшемуся в десять часов утра, должен был передать Шустину доказательства того, что именно Разбоев, а не кто иной, повинен в смерти шести девушек.

Шустин, как и любой другой журналист, мечтал о «своем» деле. У каждого из пишущей братии есть сокровенное желание найти свой репортаж, после которого его станут узнавать на улице, здороваться и, улыбаясь, показывать на него пальцем своей девушке. Свою журналистскую деятельность Степан Максимович начал весьма прозаично в прямом и переносном смысле слова. Закончив после школы Киевский институт гражданской авиации и получив специальность, совершенно не относящуюся к летному делу, – журналист, Шустин перепробовал себя во всех жанрах, так или иначе имеющих отношение к получению, переработке и выдаче информации слушателю и читателю. Будучи распределенным после окончания вуза в Ташкент, он понял, что делать карьеру в этом районе земного шара бессмысленно. Узбекистан не то место, где люди делают из прочитанного выводы. Более того, это не то место, где люди вообще читают. Они все больше смотрят телевизор и все больше тот канал, где играют на местной балайке – палке с двумя струнами, при звучании которой все население Ташкента впадает в экстаз с тем же упоением, с коим на Западе ликуют, услышав «Битлз». Устроившись на местный телеканал, он испробовал все возможные пути обретения славы и однажды целый месяц работал специальным корреспондентом Первого общесоюзного канала в Узбекистане. Все закончилось, как уже было сказано, через месяц, после выхода в эфир репортажа Шустина, где он на лоне узбекской природы беседовал с бригадиром передовиков-хлопкоробов.

Когда наконец заглушили комбайн и Шустин выбрал удобный ракурс перед камерой, расположившись рядом с бригадиром, он, уже освоив разговор без дефекта, начал так:

– Поля Узбекистана славятся своим хлопком и людьми, его пожинающими. И сегодня я беседую с начальником коллектива, занимающегося жатвой...

В принципе, хлопкоробы имели право набить ему морду уже сразу, после употребления выражения «жатва». Говоря о своей работе, они с уважением говорят: «Мы собираем».

Но по причине дебюта Шустина и без того понесло так, что лучше бы ему в самом начале просто набили морду.

– Это начальник пидог’овиков-хлопког’обов Джимулды Зайгиннулин... Извините, с бг’и-гадиг’ом пег’едовиков-хлопкое... Извините, с начальником пидог’овиков... Я беседую с Джимулдой Джимулдаевичем Зайгиннулиным. В смысле – стахановец. Скажите, Джимулда Джимунгашевич, тг’удно быть стахановцем?

– Да, – отвечал тот, щурясь в камеру. – Мы всей бригадой занимаемся этим каждый день.

– Он немногословен, – объяснял Шустин, поднося микрофон к себе, – потому что научен делать свое дело, а не болтать языком. Вот он хочет еще что-то добавить...

– Мы и ночью это делаем, – склонившись к поролоновому кругляшу микрофона, добавил бригадир.

– Я могу быть тому свидетелем. Я был здесь этой ночью. Они жали. Эти люди способны сутками не есть, не пить и, делая свое дело, не выходить из кабин своих комбайнов. Хлопок будет. Степан Шустин, прог'амма «Вг'емя», Узбекистан.

После выхода этого интервью в прямой эфир Шустина не четвертовали только потому, что, пока он выступал, четвертовали руководителя группы спецкоров в Ташкенте.

Убыв из Страны Белого Хлопка, Шустин перебрался в Ленинград и обрел себя в журнальчике. И даже был ведущим редактором спортивной полосы. Но через две недели, употребив в одной из статей о выступлении сборной страны выражение «в жестокой схватке наши с трудом, но вырвали очко у соперника – сборной ГДР», был направлен в Москву в захудалую газетенку под названием «Зеркало». Демократия уже была в силе, и теперь уже нечего было бояться того, как пишешь и чего пишешь. И Шустин, став к тому времени уже Степаном Максимовичем, заместителем главного редактора издания, чей тираж превышал две тысячи экземпляров – на большее у редакции не хватало средств, – пошел в гору. Он писал о распоясавшихся криминальных авторитетах, коррумпированности милицейских чиновников, звероподобности врачей. Дабы оттачивать свое мастерство на критике власти, он стал пописывать вирши в газете «Огни Арбата», известной в списках Министерства юстиции как очередной кандидат на отзыв лицензии и разгон штатов. Получалось у него неплохо, «Огни» в последнее время перед тем самым разгоном стали покупать только для того, чтобы почитать новые стихи Шустина, и это доставляло Степану Максимовичу ни с чем не сравнимое удовольствие. Тематика «поэтических вечеров» на последней странице газеты ничем не отличалась от прозаических статей в «Зеркале», фамилий при этом поэт упоминал много, а фактов, за отсутствием информированности, мало, но, видимо, все-таки отличалась, поскольку показать весь талант поэта Шустину не позволили. То ли писал он в рифме ярче, то ли бил по самым почкам, чего не мог сделать в прозе, но вот сразу после его последнего, родившегося в бессонную ночь стихотворения, где он честно сообщил то, о чем думали многие:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.